

А.М. МИНАСЯН

ДО КАКИХ ПОР?

ЛОГИКА
«КАПИТАЛА» МАРКСА
И СОВРЕМЕННОЕ
ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

А. М. МИНАСЯН

ДО
КАКИХ
ПОР?

(ЛОГИКА «КАПИТАЛА» МАРКСА
И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ)

Ответственный редактор
доктор философских наук
В. П. Кохановский

Печатается по решению совета
Ростовского инженерно-строительного института

Минасян А. М. До каких пор? (Логика «Капитала» Маркса и современное обществознание). Издательство Ростовского университета. 1988. 112 с.

ISBN 5—7507—0054—2

Монография является итогом более чем полувековой научной деятельности автора, его борьбы за развитие марксизма-ленинизма, против его эрозии. В книге анализируются социальные и гносеологические корни этой эрозии. Руководствуясь решениями партии о демократизации советского общества, гласности, автор сосредоточивает внимание на заблуждениях, имеющих место в развитии и интерпретации марксистско-ленинского учения. В книге дается критика рассудочно-эмпирического уровня в развитии марксизма, сделана попытка анализа путей выхода из создавшейся ситуации.

Книга рассчитана на преподавателей общественных наук, студентов и всех интересующихся проблемами развития марксистско-ленинской науки.

М 0302020000—031
М 175(03)—88 Без объявления

© Издательство Ростовского университета, 1988

ВВЕДЕНИЕ

XXVII съезд КПСС выдвинул актуальный и важный принцип: «мыслить по-новому» во всех сферах общественной жизни. Иначе невозможна сама перестройка, невозможно ускорение научно-технического прогресса. Все это полностью относится к такой важнейшей сфере, как общественные науки, для творческого развития которых партией созданы все условия. «Атмосфера творчества, которую партия утверждает во всех областях жизни, особенно плодотворна для общественных наук»¹, и прежде всего — для философии, политэкономии и научного коммунизма.

Разумеется, чтобы мыслить по-новому, представители общественных наук должны прежде всего научиться мыслить диалектико-материалистически. Такое мышление не дается человеку с рождением. Оно достигается путем воспитания, обучения, творческого освоения всего прошлого богатства, всей суммы знаний, накопленных человечеством. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»². Это тем более непосредственно относится к теоретику-марксисту. Нет сомнения в том, что он не только признает, но и доказывает другим, что главным богатством и неисчерпаемым источником развития науки являются прежде всего труды классиков марксизма-ленинизма, в особенности «Капитал» К. Маркса и «Философские тетради» В. И. Ленина. Конечно, эти труды мы изучаем, в своих научных исследованиях опираемся на них, руководствуемся ими. Однако нельзя забывать, что само знание этих работ бывает рассудочно-эмпирическим и разумно-теоретическим. Можно ли считать, что мы овладели этим богатством полностью, на разумно-теоретическом уровне, и в этом отношении нам больше нечего делать? Нет, ибо это не так. Можно ли согласиться с мнением, что «Капитал» К. Маркса — это «пройденный этап» развития науки? Нет. Ибо для тех, кто считает так, главный труд марксизма не «пройденный», а обойденный этап.

Возникает вопрос: как же получилось, что «Капитал» оказался обойденным? Ответ на него дан В. И. Лениным: «Афоризм: Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Ге-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 85.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 305.

геля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!»¹ Классики марксизма, зная, что Гегель идеалист, тем не менее высоко ценили его диалектику, поскольку именно он впервые разработал диалектику как Логику, теорию познания, хотя на идеалистической основе. Приведем хотя бы некоторые из многочисленных высказываний классиков марксизма об этом.

«Я... открыто объявил себя, — писал Маркс в «Капитале», — учеником этого великого мыслителя... Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения»². «Без Гегеля, конечно, обойтись невозможно, — писал Энгельс, — и притом нужно время, чтобы его переварить»³. Еще более высоко ценил диалектику Гегеля В. И. Ленин. В своей работе «О значении воинствующего материализма» он завещал разрабатывать диалектику Гегеля как Логику, теорию познания марксизма. «Опираясь на то, — писал он, — как применял Маркс материалистически понятию диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон...<...> Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики». Современные естествоиспытатели найдут в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании... Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется ... не столько сражающимся, сколько сражаемым»⁴.

Более того, В. И. Ленин в Логике Гегеля видел ключ к решению самых сложных задач не только теории, но и практики. Так, 28 июня 1921 г. он пишет письмо в ЦК КП(б) Украины об отправке хлеба в голодающие столицы и записку в Румянцевский музей: «Прошу выдать мне книгу Гегеля «Логика» для временного пользования»⁵.

Однако в последнее время мы, советские философы, часто отходили от той оценки Логике Гегеля, которую давали ей классики марксизма, и тем самым нанесли определенный ущерб диалектическому материализму, фактически превратив его из «сражающегося» скорее в «сражаемый».

Дело доходило до того, что мы, марксистские философы, руководствовались ложным положением И. В. Сталина, согласно которому «гегелевская философия есть аристократическая реакция на французский материализм и французскую революцию», выдавая его за истину в «последней инстанции».

Некоторое основание для того, чтобы считать гегелевскую философию реакцией на французский материализм, имело место, поскольку Гегель считал, что материализм (а кроме метафизического, механистического материализма он другого не знал) не является философией, поскольку философия есть наука о мышлении, а этот материализм не исследовал мышление.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 21—22.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 176.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 30—31.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 4.

Однако, во-первых, Гегелю принадлежит афоризм: «Диалектика есть алгебра революции»; во-вторых, во французской революции он видел практическое подтверждение своей диалектики и восхищался ею. Ему принадлежат такие восторженные слова в честь этой революции: «Это был величественный восход солнца», она «имеет всемирно-историческое значение» и т. д.

Задача данной книги состоит в том, чтобы показать, что источником заблуждений, ошибок, кривотолков, допускаемых в наших общественных науках, является незнание «Капитала» Маркса. Восстановить марксистско-ленинские истины в своих правах — такова задача. Я абсолютно убежден, что без этого не может быть и речи о коренной перестройке наших общественных наук, или же их перестройка сведется, как это показывает недавний опыт, к добавлению в них нескольких новых терминов, абсолютно не касающихся содержания. Но подобная «перестройка», а точнее, «штопание» этих наук означает, что они продолжают оставаться на старом, рассудочно-эмпирическом уровне, и, следовательно, неспособны выполнять свое назначение, свою роль, задачи, возложенные на них XXVII съездом КПСС.

В процессе создания этой книги мне неоценимую помощь оказывал член-корреспондент АН СССР Ю. А. Жданов. Я выражаю ему сердечную признательность.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

§ 1. Диалектический материализм есть Логика¹

Незнание основного труда К. Маркса — «Капитала» — привело к ряду ошибок и заблуждений в советской марксистской философии, к отходу от принципиальных положений марксизма. Однако прежде, чем показать, в чем заключается этот отход, приведем общеизвестные основополагающие высказывания В. И. Ленина: «Если Магх не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала»²; «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же]³; «Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»⁴ и т. д. Чтобы овладеть научным богатством, прежде всего необходимо четко и определенно знать: 1) о какой диалектике говорят Маркс, Энгельс, Ленин; 2) о какой логике идет у них речь; 3) как понимали Маркс, Энгельс, Ленин предмет своей философии.

Истории философии известны три формы диалектики: диалектика античных философов, идеалистическая диалектика (главным образом Гегеля) и материалистическая диалектика, или диалектика Маркса. Вкратце рассмотрим эти формы.

По выражению Энгельса, «древнегреческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель, Гегель древнего мира, уже исследовал существеннейшие формы диалектического мышления»⁵. Диалектика древних греков была стихийной и наивной и иной, разумеется, не могла быть, так как была первоначальной формой, диалектикой в «пеленках». Общая кар-

¹ Основные положения этой главы изложены еще в моей книге «Диалектический материализм». Ч. 1. Ростов н/Д, 1972.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 301.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 321.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 19.

тина мира без разделения, дифференциации, знания частных, знания законов развития этого мира — вот чем она характеризуется.

Вторая историческая форма диалектики — идеалистическая. К. Маркс писал: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»¹. Это и было реализовано К. Марксом и Ф. Энгельсом и развито дальше В. И. Лениным в новых исторических условиях классовой борьбы пролетариата, практики и познания.

Таким образом, третьей исторической формой диалектики является материалистическая, или марксистско-ленинская диалектика. Вот эту диалектику и имеет в виду В. И. Ленин, говоря о диалектике как Логике (с большой буквы). В связи с этим чрезвычайно важно подчеркнуть, что эта диалектика и есть диалектический материализм. Материалистическая диалектика и диалектический материализм одно и то же, не разные науки, а одна наука, или синонимы, выражающие одно и то же содержание. Если до марксизма диалектика и материализм были оторваны друг от друга, существовали изолированно — диалектика была идеалистической, а материализм был антидиалектическим (метафизическим), — то в марксизме в высшем единстве переплавлены и то и другое, слиты воедино таким образом, что здесь нет материализма и диалектики в старом смысле, а есть одна наука — диалектический материализм или материалистическая диалектика. Поэтому классики марксизма свою философию так и называли².

К сожалению, с некоторых пор произошел отход от этого марксистско-ленинского понимания нашей философии. Так, одно время утверждалось, что материализм есть теория, а диалектика есть метод. Находили (и сейчас находят) черты материализма и черты диалектики, отличные друг от друга и т. д. Все это шло от второго параграфа четвертой главы известного «Краткого курса истории ВКП(б)», автором которого считался И. В. Сталин. До сих пор «Программа курса марксистско-ленинской философии для вузов» делит нашу философию на две части: диалектический материализм и исторический материализм (по тому же второму параграфу). К тому же диалектический материализм по существу делят на материализм и на диалектику. Сначала изучаются темы «Материя» и «Сознание». После чего с шестой темы начинается изучение диалектики³. Здесь есть над чем задуматься.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 25 и др.; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 5, 9 и др.

³ Программа курса марксистско-ленинской философии для высших учебных заведений / Под ред. Г. Г. Квасова, В. А. Щербинина. М., 1987. 32 с. Председатель программной комиссии С. Т. Мелюхин.

Чем же объяснить эту ситуацию? Руководители нашего «философского фронта» в свое время указанный второй параграф выдавали за «вершину философского мышления» и, видимо, не могут или не желают расстаться с ней. Однако дело не только в том, что этот параграф выдавался за вершину философии, но и в том, что он считался истиной в последней инстанции: то, что в нем есть,— это абсолютная истина, остального же не существует вообще. Происходил бурный процесс не только эрозии, но и опошления марксистско-ленинской философии. Вся деятельность философов-марксистов была ориентирована на этот параграф, а не на овладение богатством «Капитала». Что же касается «Философских тетрадей» В. И. Ленина, то кощунственно утверждалось, что они созданы «не для печати». Поскольку Сталин был «непогрешимым», то любое высказывание, исходящее из его уст, выдавалось за истину в последней инстанции. В этом убеждаешься не только на примере «кибернетики-лженауки» и т. д., но и на примере «сталинского учения о базисе и надстройке»¹. Вряд ли в истории познания со времени средневековых схоластических споров о количестве чертей, умещающихся на конце иглы, существовал еще такой ажиотаж, как вокруг этого «учения». А ведь и сегодня еще существуют авторы², которые до сих пор не поняли, что здесь никакого учения не было и нет, что классики марксизма этими терминами в образной форме выражали определенное научное содержание.

Прав А. Эйнштейн: легче расщепить атом, чем преодолеть предрассудок. Конечно, в эпоху культа личности выступающий против тотчас же был бы отлучен от науки (в лучшем случае). Однако, во-первых, партия, разоблачив культ личности, создала все благоприятные условия для того, чтобы очистить нашу философию от всякой схоластики и догматизма; во-вторых, что за марксисты ученые, которые не могут или не хотят избавиться от старого груза и восстановить в своих правах марксистско-ленинскую истину? В-третьих, беда в том, что они продолжают готовить новое поколение кадров по своему образу и подобию.

А теперь выясним, о какой Логике идет речь у классиков марксизма. Напомним, что как в истории философии, так и теперь существовали и существуют разные логики и, прежде всего, так называемая традиционная формальная логика, основателем которой считается Аристотель. Это наука о способах доказательств и опровержений. Различают индуктивную и дедуктивную логику, а в последней — классическую, математическую, интуиционистскую, конструктивную, модальную и др.

¹ Критика этого «учения» дана мною еще в работе «Диалектическая логика». Ростов н/Д, 1966. С. 49—60.

² См.: Программа курса марксистско-ленинской философии для высших учебных заведений. 1987. С. 20—21.

Отметим, что со времен Аристотеля формальная логика была господствующей наукой о всеобщих законах мышления, о правильном мышлении и т. д. Кант одним из первых исследует диалектику мышления. Он, во-первых, обосновал узость традиционной формальной логики; во-вторых, ввел диалектику в логику, рассматривая ее как естественную необходимую форму мышления, «отнял от диалектики ее кажущуюся произвольность» (Гегель); в-третьих, диалектику он рассмотрел как логику и, наконец, в-четвертых, постановкой ряда вопросов (о субординации категорий, об отличии трансцендентальной логики от общей и трансцендентальной диалектики от первых двух, об антиномиях разума и др.) сделал важный шаг вперед в исследовании действительного мышления, тем самым подготовив необходимую почву для дальнейших исследований в этом направлении.

Кант, однако, создал лишь предпосылки диалектической логики, так как пойти дальше ему помешал его агностицизм. Историческая заслуга создания этой логики, но на идеалистической основе, принадлежит Гегелю. Свою логику он разрабатывает в раннем очерке «Иенская логика», в «Науке логики», в первой части «Энциклопедии философских наук» (малая логика) и в «Философской пропедевтике».

Гегель создает науку не о внешних формах мышления (как это было до него), а о законах развития содержательного мышления, науку о мышлении в его диалектическом конкретном развитии. При этом диалектику мышления он рассматривает не как недостаток или заблуждение мышления, а как его естественную сущность, которая не постигнута, не осознана традиционной логикой и задача которой — описание внешних форм мышления. Поскольку традиционная логика не есть в полном объеме «самосознание» мышления, не есть наука о нем как таковом, то Гегель требует создать такую логику, такое «самосознание» мышления, такую его теорию, которая совпадала бы с реальным мышлением, согласовывалась с ним. Логика Гегеля является именно такой теорией, наукой о мышлении, или теоретическим мышлением о мышлении.

В понимании Гегеля предметом логики является всеобщее. Именно логика разрабатывает и систематизирует всеобщие универсальные категории, которые проявляют себя в каждой сфере и в каждом виде деятельности. Пожалуй, самым ценным завоеванием логики Гегеля является то, что она довольно полно и всесторонне, более или менее последовательно и вполне сознательно в развитой форме разрабатывается как диалектика и теория познания или, точнее, диалектика разрабатывается как Логика, как теория познания.

Маркс, материалистически переосмыслив идеалистическую Логика Гегеля, поставил ее «на ноги», развил дальше, создал диалек-

тико-материалистическую Логику, образцом которой является главный труд марксизма «Капитал». Возникает вопрос: применял ли Маркс формальную логику? И в связи с этим следующий: каково отношение классиков марксизма к формальной логике? Да, они применяли формальную логику в своей теоретической и практической деятельности и никогда ее не отвергали. Однако они применяли ее в снятом виде, как момент диалектической логики. Их научная деятельность и, главным образом, «Капитал» характеризуется применением не формальной логики, а диалектики как логики и теории познания. Вместе с тем они указывали на узость, ограниченность формальной логики. Так, Маркс разложение школы Рикардо объясняет последовательным применением формальной логики. Энгельс также писал: «Принцип тождества в старо-метафизическом смысле есть основной принцип старого мировоззрения: $a=a$. Каждая вещь равна самой себе. $\langle \dots \rangle$... естествознание в последнее время доказало в подробностях... тот факт, что истинное, конкретное тождество содержит в себе различие... Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для домашнего употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени... Но для обобщающего естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно...»¹

Развивая дальше диалектическую логику, В. И. Ленин указывал, что узость возможностей формальной логики, в особенности применительно к политике, ведет к эклектике и софистике. «Логика формальная, которой ограничиваются в школах (и должны ограничиваться — с поправками — для низших классов школы), берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно..., то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только»².

Из всего этого и следует, что формальная логика (т. е. логика с «малой буквы») не является, во-первых, философией марксизма; во-вторых, она уже сейчас эволюционировала в математическую логику; в-третьих, она вовсе не была и не является наукой о мышлении, ибо мышление есть диалектический процесс, а она, изгоняя противоречие из мышления, ничего общего с диалектикой не имеет и является частной наукой о внешних устойчивых формах мышления, выражаемых средствами языка. Это понимают ряд философов, развивающих формальную логику, в отличие от других, по

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 530—531.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 289—290.

старинке считающих формальную логику наукой о мышлении. Так, И. С. Нарский справедливо подчеркивает, что «в прошлом формальная логика действительно была во власти метафизики, а в настоящее время она превращается в математическую логику, в частную науку, как алгебра, геометрия и др»¹.

Наукой о мышлении является диалектика, или диалектическая логика. Общеизвестно, что истина есть совпадение мышления с предметом. Но если предмет есть диалектический противоречивый процесс, то истинно отражающее мышление должно быть диалектическим, иначе истинное познание невозможно. Следовательно, истинная логика — это диалектическая логика, которая в то же время есть теория познания.

Хорошо известно, что когда В. И. Ленин пишет о Логике с большой буквы, он подразумевает под этим диалектическую логику, а под логикой с «малой буквы» — формальную логику. Однако в литературе имеет место отход от этого положения. Дело доходит до абсурда, до извращений высказываний В. И. Ленина. Вот что пишет академик П. Н. Федосеев: «В. И. Ленин называл «Капитал» К. Маркса образцом диалектического анализа, диалектической логикой с „малой буквы”»². Автор, видимо, не знает никакой логики — ни с «малой буквы», ни с «большой буквы», ни, тем более, логики «Капитала».

Еще хуже обстоит дело с реализацией марксистско-ленинского принципа полного совпадения диалектики, Логики и теории познания в марксизме. Среди советских философов есть ученые, которые руководствуются этим принципом. Они исходят из положения, согласно которому «в марксистской философии нет самостоятельно и обособленно существующей онтологии, гносеологии и логики. Материалистическая диалектика как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления одновременно тождественна теории познания и логике»³. Но есть и такие, которые не соглашались с этим принципом и свое несогласие облачают в разные формы. Так, они пишут о единстве диалектики, Логики и теории познания, т. е. подменяют «одно и то же» единством и находят различие; ленинское положение «одно и то же» истолковывают так: одно и то же есть тождество, а тождество в диалектике включает в себе различие, следовательно, когда В. И. Ленин говорит «одно и то же» нужно понимать «не одно и то же» и т. д. и т. п. Как справедливо пишет журнал «Коммунист», «эту ленинскую мысль пытаются иной раз объявить фигуральным выраже-

¹ Информационные материалы Философского общества СССР. М., 1982. С. 10.

² III съезд Философского общества СССР (Материалы и документы). М., 1983. С. 8.

³ Копнин П. В. Диалектика как логика. Киев, 1961. С. 25.

нием, не имеющим буквально точного смысла. В том духе, что есть три разные, но взаимосвязанные науки. Диалектика, мол, занимается общими законами природы и общества, выступая как онтология. Теория познания (гносеология) — законами познания. А логика сводится к изучению специальных, преимущественно формальных операций мышления»¹.

К тому же с теорией познания поступают как хотят, кто во что горазд. Одни авторы ее называют «Познание как отражение действительности», и «Диалектический материализм о познаваемости мира»², другие пишут о «теории диалектики» (как будто диалектика — не теория) и т. д. И если ко всему этому добавить и то, что большинство авторов эту тему называют не иначе, как «Теория познания диалектического материализма», то становится ясно, что они всем этим подчеркивают свое несогласие с принципом совпадения диалектики, Логики и теории познания в марксизме. До каких пор?

Более того, тех философов-марксистов, которые «одно и то же» понимают как одно и то же, обвиняют в «одностороннем логицизме», «одностороннем гносеологизме» и т. д. Но ведь такой прием не оригинален. Так, русские махисты открыто не выступали против Маркса и Энгельса, а нападали на Плеханова, однако подразумевая его учителей. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» разоблачил этот трюк. То же самое происходит и сейчас: авторы, отрицающие марксистско-ленинский принцип совпадения диалектики, Логики и теории познания, открыто не выступают против Маркса, Ленина, но нападают на сторонников их точки зрения. Дело, конечно, каждого автора соглашаться или нет с тем или иным положением своего оппонента, но научная добросовестность требует эти положения не извращать, не искажать мысли своего оппонента, а передавать их точно и честно.

Наша задача состоит в том, чтобы показать вышеприведенный отход и восстановить в своих правах марксистско-ленинское понимание диалектики, Логики с большой буквы, и принцип их совпадения с теорией познания в марксизме. Затем следует восстановить в своих правах и марксистско-ленинское понимание предмета философии и преодолеть отход от него, бытующий в литературе.

Казалось бы, ленинские указания совершенно четко и ясно указывают на предмет марксистской философии. Если диалектический материализм есть Логика и теория познания, а Логика, теория познания есть наука о мышлении, то, следовательно, диалектический материализм есть наука о мышлении, т. е. его предметом является

¹ Революционная диалектика марксистского реализма // Коммунист. 1985. № 1. С. 40.

² Программа курса марксистско-ленинской философии для высших учебных заведений. 1987. С. 15.

мышление. И не было бы необходимости задерживаться на этом, если бы не происходило постоянное отступление от этой истины.

В нашей литературе существует несколько точек зрения по этому вопросу. Согласно одной из них, предметом диалектического материализма являются наиболее общие (всеобщие) законы развития природы, общества и мышления, согласно другой — отношение человека к действительности. Внешне кажется, что все эти точки зрения принципиально отличаются друг от друга, однако ближайшее рассмотрение показывает, что во всех этих случаях речь идет об одном и том же содержании. В самом деле, что такое отношение сознания к материи? Это непосредственно есть познание, т. е. мышление. Что такое отношение человека к действительности? Это отношение в плане основного гносеологического вопроса. Оно может быть двоякое: материальное и идеальное. Материальное отношение к действительности есть не что иное, как предметная материальная деятельность людей, общественно-историческая практика. Остается идеальное отношение, которое в сущности есть опять-таки познание или мышление.

А теперь посмотрим, что из себя представляют две другие точки зрения о предмете философии — всеобщие законы развития (всеобщее) и мышление. В марксистском понимании всеобщее и мышление совпадают, так как всеобщее есть не что иное, как содержание, собственная деятельность самого мышления, отражающая всеобщее в самом объективном мире.

Совершенно очевидно, что ни признание всеобщих законов развития предметом философии, ни признание мышления предметом философии не дает еще никакого решения основного вопроса философии. Такое признание не снимает противоположности материализма и идеализма. И идеалисты, и материалисты могут признать одно и то же (всеобщее или мышление) предметом философии, оставаясь на своих противоположных позициях. Домарксистские материалисты признавали предметом философии материю, но, сводя ее к природе, не смогли понять роли общественно-исторической практики, того, что развитие общества есть закономерный естественно-исторический процесс, и оказались на позициях идеализма в понимании общественного развития.

Не лишне в связи с этим напомнить, что в современной буржуазной философии по вопросу о предмете философии имеется множество точек зрения. Их можно свести в общем и целом к двум: современная метафизика (онтология, «первая философия») и современный позитивизм. Метафизика (неотомизм) утверждает, что предметом философии является бытие (всеобщие законы бытия). Позитивизм же во всех своих проявлениях отвергает эту метафизику и проблемы, связанные с учением о бытии, объявляет псевдопроблемами, считая истинной философией всеобщий науч-

ный метод мышления, разумеется, в позитивистской интерпретации.

Возможно, здесь имеет место некоторое внешнее сходство с диалектическим материализмом. Так, можно согласиться с тем, что современная метафизика и диалектический материализм есть учение о всеобщих законах бытия. Однако их отличие не в этой внешности, а в их внутреннем содержании, в их сущности, в их противоположном понимании этих всеобщих законов бытия. То же самое нужно сказать о мышлении: и позитивизм, и диалектический материализм могут согласиться с тем, что оба они есть науки о мышлении, о всеобщем научном методе мышления. Но опять-таки их отличие не в этой внешности, не в этом «признании», а в том, как понимается этот всеобщий научный метод мышления, как понимается бытие и мышление.

Действительное истинное отличие начинается лишь тогда, когда ставится вопрос: кто и как понимает всеобщие законы, мышление. Это блестяще показал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» на примере ошибки Плеханова относительно понятия «опыт». Признание «опыта» предметом исследования или средством познания еще не снимает вопроса о противопоставлении идеализма и материализма, ибо под словом «опыт» может скрываться и материалистическая, и идеалистическая линия в философии. «...Но ни определение опыта как предмета исследования, ни определение его, как средства познания, ничего еще не решает в этом отношении»¹. Дело в том, как понимать опыт, какое содержание вкладывать в это слово.

Точно так же обстоит дело и с всеобщими законами и мышлением. На протяжении всей истории философии как в прошлом, так и в настоящем, существовали и существуют тысячи взглядов и их оттенков на эту проблему. Поэтому праздными являются рассуждения, не проводящие четко и определенно границу между различными взглядами на эти понятия, в частности, между их диалектико-материалистическим и идеалистическим или метафизическим пониманием. В высшей степени важно подчеркнуть, что в философии нельзя делать ни шага вперед, нельзя решить ни единой проблемы без четкого, ясного, последовательного и решительного проведения принципа партийности, без содержательного анализа точек зрения с позиций этой партийности.

Некоторые авторы считают, что мышление не должно быть предметом марксистско-ленинской философии потому, что оно является предметом идеалистической философии или формальной логики. Сознательно или бессознательно один вопрос подменяют другим — основной вопрос философии (вопрос о содержании мышления) подменяют вопросом о том, что является предметом фило-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 156.

софии, т. е. по существу впадают в ту же самую ошибку Плетхнова. Итак, все дело в том, как понимать всеобщее. У Гегеля, например, всеобщее есть мысль и только мысль. В марксистской философии всеобщее имеет объективный источник в самой действительности, существует объективно, независимо от мысли, но в то же время оно является непосредственно таковым как логическая форма только в Логике, поскольку оно не познается на этапе чувственного созерцания. В процессе познания всеобщее, существующее в каждом отдельном, особо, специфически вычленяется в мысленно-всеобщее, содержащее в себе в снятом виде все богатство отдельного, особенного, индивидуального. «...Конкретная целостность, — писал Маркс, — в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, действительно есть продукт мышления, понимания; однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятия»¹.

Таким образом, всеобщее в марксистской философии есть конкретное целое, богатое содержанием синтетическое знание, имеющее вне себя в объективном мире свой материальный источник, коим является общественно-историческая практика человека. Всеобщий универсальный характер отражательной деятельности человека определяется универсальным характером его практической деятельности. Всеобщие формы практической деятельности человека и обуславливают всеобщие формы познания. Логика, логическая деятельность и есть логически освоенная общественно-историческая практика. Только так понятое всеобщее является предметом диалектики как Логики, теории познания. Можно это выразить иначе: предметом марксистской философии являются всеобщие законы развития природы, общества, мышления, или просто всеобщее в его логическом освоении, осмыслении как всеобщее в мышлении, в познании.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что эти всеобщие законы являются предметом познания всех частных наук, каждая из которых исследует и изучает их в пределах своего специфического предмета. Так, Маркс в «Капитале» на частном политико-экономическом материале разрабатывает и применяет — от начала до конца — все всеобщие законы, категории, принципы диалектического материализма. Энгельс писал: «Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава»², т. е. химия изучает всеобщий закон качества и количества. Но если не только диалектический материализм, но и все частные науки изучают эти всеобщие за-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 387.

коны, то в чем же его специфический предмет, отличный от предметов других наук? Именно в том, что его предметом является мышление как оно есть в себе, которого не изучает ни одна другая частная наука.

Следовательно, в марксистской философии понятия «предельно общие или всеобщие законы» и «мышление» совпадают, здесь совпадение по содержанию, ибо оба понятия выражают одно и то же содержание, а именно: диалектический материализм является наукой не о материи непосредственно как таковой (это предмет всех частных наук), а о том, как мыслит материя, т. е. является наукой о ее познании, наукой о том, как возникает и развивается новое знание. Именно это одно и то же содержание Энгельс выражает в разных формах. Говорит ли он о том, что за философией остается «только царство чистой мысли», или что «из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет... учение о мышлении», или что диалектика есть наука «об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления»¹ и т. д., — он говорит об одном и том же: предметом диалектического материализма является мышление, — и эти высказывания отличаются друг от друга лишь по внешней форме.

Это одно и то же содержание В. И. Ленин так же выражает в разных формах. Говорит ли он о том, что «логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. «итог, сумма, вывод *истории* познания мира»²; или о том, что «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»³, — он говорит об одном и том же, что предметом диалектического материализма является мышление, ибо законы развития всех вещей и есть итог, сумма, вывод истории познания мира, т. е. мышление.

Предмет каждой науки, как бы ни был он связан с предметами других наук, должен обладать относительной самостоятельностью, своей спецификой. Ни одна наука невозможна без этого.

Эволюция научного познания достигла такого состояния, когда между философией и ее материальным источником возникли промежуточные звенья — частные науки, делающие их взаимосвязь опосредствованной. Эту мысль Энгельс выразил в следующей форме: «Идеологии еще более высокого порядка, то есть еще более удаляющиеся от материальной экономической основы, принимают

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 25; Т. 21. С. 302, 316.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 84.

³ Там же. С. 131.

форму философии и религии. Здесь связь представлений с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки существует»¹. Диалектический материализм связан с объективным миром, изучает его всеобщие формы, но отнюдь не в натурфилософском плане, не в духе старой и новой онтологии, а опосредствованно, через частные науки, в плане материалистической диалектики, понимаемой как Логика, как теория познания.

Из этого следует, что если каждая частная наука имеет два этапа научного исследования — эмпирический и теоретический, то марксистско-ленинская философия не имеет и не должна иметь этих двух этапов, а имеет и должна иметь только один — теоретический, и к тому же высшего порядка абстрагирования. Это содержание можно выразить и в такой форме: достижения всех частных наук являются эмпирическим этапом, материалом для диалектико-материалистической его обработки, обобщения во всеобщие категории и принципы диалектического материализма.

В свою очередь, частным наукам жизненно необходима Логика, марксистская теория познания. «Самым ценным завоеванием, — справедливо пишет академик Н. Н. Семенов, — которым может и должна поделиться с естествознанием философия, является прежде всего марксистский диалектический метод мышления. С этой точки зрения философия и выступает прежде всего как Логика с большой буквы, как теория познания, соответствующая современному уровню развития и запросов естественных и социально-исторических наук XX века»².

О необходимости философии как Логики и теории познания для частной науки очень хорошо говорил и Эйнштейн: теория познания без контакта с наукой становится пустой схемой. Наука без теории познания примитивна и беспорядочна. «Философские обобщения должны основываться на научных результатах. Однако, раз возникнув и получив широкое распространение, они очень часто влияют на дальнейшее развитие научной мысли, указывая одну из многих возможных линий развития»³. Лишь в этом случае возможен подлинно творческий, обогащающий обе стороны, союз философии и естествознания.

Ни одна другая наука, кроме диалектического материализма, не является Логикой, теорией познания. В этом и только в этом специфика и относительная самостоятельность марксистской философии. Мы абсолютно убеждены в том, что рано или поздно все ученые придут к пониманию этого.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 312.

² Семенов Н. Н. Марксистско-ленинская философия и естествознание // Коммунист. 1968. № 10. С. 49.

³ Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1965. С. 48.

§ 2. Пути эрозии диалектического материализма

Итак, отход от марксистско-ленинского понимания нашей философии объясняется прежде всего сопротивлением реализации принципа полного совпадения («одно и то же») диалектического материализма, Логики и теории познания в марксизме. Однако этот отход не есть невинное занятие, а на деле является самой настоящей эрозией специфики нашей философии — диалектического материализма. Существует множество форм реализации этой эрозии. Остановимся на некоторых из них.

1. Правомерно ли, например, деление наук на «философские» и «нефилософские»? Нет, абсолютно неправомерно! В марксизме есть одна философия — диалектический материализм, и следовательно, одна философская наука. «Признает ли референт, что философия марксизма есть *диалектический материализм*?

Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом?

Если да, то зачем называют махисты свой «пересмотр» диалектического материализма «философией марксизма»?¹ «Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом»². Деление наук на «философские» и «нефилософские» является укоренившимся анахронизмом, который тормозит развитие философской мысли. Могут возразить: по своему генезису частные науки являются «философскими», поскольку они отпочковались от философии. Но при этом не следует забывать, что если все науки в этом смысле являются «философскими», то нет «нефилософских» наук. Следовательно, это деление вымышленное. Однако оно проводится не в этом смысле, и никто не знает, в каком. «Философскими» науками у нас принято считать диалектический материализм, историю философии, этику, эстетику, социологию, научный атеизм, научный коммунизм, науковедение и т. д. «Нефилософскими» считаются все естественные, филологические, экономические, правовые и т. д. науки. Кто скажет, каков критерий такого деления? Никто! Ибо такого объективного критерия не существует. Почему, например, марксистская политэкономия — «нефилософская» наука, а марксистская этика — «философская»? Если уж этика «философская» наука, то политэкономия тем более «философская» наука, ибо Маркс разработал диалектику как логику и теорию познания, т. е. собственно марксистскую философию на материале политэкономии, а не этики.

Можно сделать вывод, что деление наук на «философские» и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 5.

² Там же. С. 9.

«нефилософские» имеет место по той простой причине, что нивелируется, точнее, игнорируется специфика марксистской философии. И как только диалектика сводится к «сумме примеров» или к принципам частных наук, то возникает возможность делить науки на «философские» и «нефилософские». И напротив, когда восторжествует специфика философии, марксистско-ленинское понимание диалектики как Логики и теории познания, тогда исчезнет такая возможность, отпадет надобность в самом таком делении. Тогда станет очевидным, что кроме диалектического материализма нет «философских» наук, ибо нет частной науки, которая обладала бы спецификой философии, была бы Логикой, теорией познания, и нет марксистской философии, которая была бы частной наукой. Существующее же ныне положение свидетельствует о том, что мы недостаточно заботимся о классификации наук, о формальном отпочковании таких частных наук, как этика, эстетика и т. д., ибо они фактически давно отпочковались.

Давно пора «разгрузить» философию, вычленив из нее частные науки и оформить их самостоятельное существование. Это пойдет на пользу как философии, так и этим частным наукам. Философии — потому, что это означало бы практическую реализацию принципа совпадения диалектического материализма с Логикой и теорией познания или хотя бы шаг к ней, частным наукам — потому, что они стали бы полнокровными науками, имея оба этапа исследования — эмпирический и теоретический. А пока, не имея их, они серьезных научных результатов не дают и не только далеки от специфики философии, но и усиливают ее эрозию.

2. Другой формой того же содержания является «профилирование» философии, когда ее привязывают к профилю вуза или частной науки. На деле это в большинстве случаев означает ее ликвидацию как Логики, теории познания, а также создание разных «частных» индивидуальных философий, скажем философии механики, философии физики, философии химии, философии социальных наук, философии эстетики и т. д. и т. п. Диалектический материализм как всеобщая методология всех частных наук выполняет эту свою роль специфически, соотносясь со спецификой частной науки, поэтому изложение диалектического материализма должно, конечно, сопровождаться для «популярности», для лучшего его усвоения примерами, в основном из области той науки, которая является профилирующей в данном вузе, на данном факультете и т. д. Однако при этом он не должен подменяться частной наукой. Его всеобщие принципы не должны сводиться к принципам частной науки, он должен сохранять свою относительную самостоятельность. Разрабатывая диалектику на частном политико-экономическом материале и применяя ее к исследованию, Маркс вовсе не сводил ее принципы к принципам политэкономии. К со-

жалению, у нас это ставшее модой «профилирование» есть подчас не что иное, как утрата собственной философской специфики.

3. Есть еще одна форма проявления того же содержания. Это так называемые «философские проблемы естествознания». Как это понять? Если эти проблемы есть проблемы разработки Логике современного научного познания, то это вовсе не проблемы естествознания, а проблемы непосредственно философии. Если же это проблемы сведения диалектики к «сумме примеров» из соответствующих разделов естествознания, то это и не философия, и не естествознание. Если же это непосредственно проблемы естествознания, то почему они называются философскими?

Классики марксизма не случайно нигде и никогда не говорили о каких-либо философских проблемах частных наук. Так, в статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин подчеркивал, что «ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании», естествоиспытатели найдут не в самом естествознании как таковом, а «в материалистически истолкованной диалектике Гегеля». И чтобы помочь им в этом, философы должны, «опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля... разрабатывать эту диалектику со всех сторон»¹, путем обобщения всей истории познания и общественной практики.

Из приведенных слов В. И. Ленина следует, что под «философскими проблемами естествознания» он понимал не какую-то отдельную науку или особое научное направление, а проблемы самой философии — те философские вопросы, которые возникают в ходе развития естественных наук и которые должны разрешаться не самими этими науками, а философией. Это, конечно, несколько не «подбивает» союза последней с частными (в том числе и естественными) науками, а напротив, делает его действительным и жизнеспособным.

Задача марксистско-ленинской философии состоит не в том, чтобы быть лишь тенью естествознания и задним числом «оправдывать» и объяснять то или иное естественно-научное открытие, не только в том, чтобы освещать путь, уже пройденный наукой, а главным образом в том, чтобы на основе изучения этого пройденного пути освещать дорогу для продвижения науки вперед.

Последовательное и решительное проведение в жизнь марксистско-ленинского принципа диалектики, понимаемой как Логика и теория познания, позволит преодолеть не только указанные выше, но и некоторые другие недостатки нашей философии.

4. Еще более досадным, ничем не оправданным является искусственное деление единой марксистской философии на две само-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 30, 31.

стоятельные науки: на диалектический материализм и исторический материализм. Это деление идет по всем линиям — научной и организационной, как по содержанию, так и по форме. Это разделение проводится упорно, настойчиво и в «Программе» (1987 г.), несмотря на решения XXVII съезда КПСС и на критику этого разделения, данную в научной литературе. Поэтому прежде всего следует задать вопрос: является ли исторический материализм диалектическим или нет? Если да, то зачем «и»? Если нет, то какой же он материализм? Наивный или метафизический? В истории философии известны три исторические формы материализма: а) наивный или стихийный материализм, б) метафизический материализм, в) диалектический материализм. Другой исторической формы философского материализма не существует¹.

Чтобы понять это, достаточно применить принцип историзма к возникновению исторического материализма. Все марксисты-философы знают, что до марксизма в понимании истории, общества безраздельно господствовал идеализм. Даже старый материализм был материализмом «внизу», т. е. в понимании природы, но идеализмом «вверху», т. е. в понимании общества. «...В исторической области старый материализм изменяет самому себе»², становится идеализмом. И вот Маркс и Энгельс преодолевают эту непоследовательность старого материализма и, распространив материалистическое понимание на историю, на общество в «Тезисах Маркса о Фейербахе» и в совместной работе «Немецкая идеология» открывают исторический материализм, т. е. создают свою философию — диалектический материализм.

Диалектический материализм есть третья, высшая историческая форма материализма и диалектики, которая стала возможной прежде всего на основе материалистического понимания истории, благодаря открытию решающей роли общественно-исторической практики в познании и преобразовании действительности. Важнейшим принципом марксистской философии является материалистическое понимание истории. Это открытие является величайшим завоеванием научной мысли, глубочайшим переворотом во взглядах на общество.

Выработка материалистического понимания истории, позволившая решить вопрос об отношении сознания к материи последова-

¹ Как это перекликается с тем, что одно время существовало два областных комитета партии — один промышленный, другой сельскохозяйственный! Но это заблуждение было устранено более или менее своевременно. А вот это держится неизблемо, упорно.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 307.

тельно материалистически, была превращением метафизического (созерцательного) материализма в диалектический. В связи с этим следует указать на следующий курьез. Исторический материализм иногда определяется как распространение положений диалектического материализма на изучение общества (это закреплено в том же втором параграфе). Но это неверно как исторически, так и логически. Исторически неверно потому, что Маркс «углубил, развил и довел до конца», «достроил доверху» не диалектический материализм, а домарксистский материализм, который был создан до него. Авторы и сторонники этого заблуждения, конечно, не могли не знать о существовании ясных и четких высказываний об этом классиков марксизма, в особенности В. И. Ленина: «Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества*. Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса»¹. Следовательно, Маркс на общество распространил не положения диалектического материализма, а существовавшее до Маркса материалистическое понимание природы. До возникновения исторического материализма, или, что то же самое, до открытия материалистического понимания истории не было никакого диалектического материализма. А между тем, когда хотят нечто распространить на что-то, то это «нечто» должно существовать раньше самого факта распространения, ибо невозможно распространять то, чего нет. Однако указанная нелепость создает впечатление, будто классики марксизма сначала создали диалектический материализм, а после, распространив его положения на изучение общества, создали исторический материализм. Между тем открытие материалистического понимания истории и создание диалектического материализма — одновременный процесс, точнее, это один и тот же процесс. Вышеприведенное определение исторического материализма несостоятельно также логически, ибо, если диалектический материализм есть наука о предельно общих законах развития природы, общества и мышления, то разве это не значит, что общество также охватывается им, а если это так, то подобное определение тавтологично.

Именно это открытие позволило понять, что диалектика сознания определяется диалектикой материальной практической деятельности, диалектикой объективного мира. Исследование диалектики мышления философами шло навстречу исследованию процессов природы естествоиспытателями, которые под напором огромного фактического материала, накопленного к тому времени, стихийно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 44; см. также Т. 17. С. 418; Т. 18. С. 356; Т. 26. С. 57.

вырабатывали диалектический способ мышления. Лишь совместными усилиями философов и естествоиспытателей, благодаря исследованию материальной общественно-исторической практики, истории производства, представляющего собой процесс преобразования природных явлений в общественно-материальные и духовные явления, стало возможно устранить идеалистическую и метафизическую ограниченность. Эта задача была выполнена Марксом и Энгельсом, обобщившими результаты развития философии, естествознания и социологии.

Без материалистического понимания истории, происхождения и сущности сознания, его роли в общественных отношениях невозможно было бы понять и его диалектику. А без понимания диалектики сознания невозможно было бы понять и выразить диалектику объективного мира. Итак, последовательное проведение материалистического понимания природы, общества и сознания привело к созданию диалектического материализма, сущностью, ядром которого является материалистическое понимание истории.

Диалектический материализм есть высший синтез всех философских учений на основе новых достижений науки и практики. В предшествующей философии ее различные стороны — материализм, диалектика, онтология, гносеология, логика, методология — существовали изолированно друг от друга, как более или менее самостоятельные науки. В марксистской философии все эти стороны слиты воедино и составляют новое, высшее состояние философского мышления. «В этой философии марксизма, — писал В. И. Ленин, — вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи»¹.

А «Программа» и соответствующие учебники фактически так и поступают: из диалектического материализма — из этого «куска стали» — вынимают его ядро, суть, исторический материализм и превращают его в самостоятельную науку. В связи с этим напомним, что Марксу принадлежат два великих открытия: материалистическое понимание истории и учение о прибавочной стоимости². Первое открытие как исторически, так и логически составляет основу, сущность диалектического материализма, второе — политической экономии. Однако материалистическое понимание истории вычленяется из диалектического материализма в самостоятельную науку, а вот марксистская теория прибавочной стоимости не выделяется из политической экономии Маркса: никто, по крайней мере, не говорит о существовании двух учебных дисциплин — марксистской

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 346.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 350—351.

политической экономии и марксистской теории прибавочной стоимости. И это верно. Ибо нет марксистской политэкономии без ее сущности — марксистской теории прибавочной стоимости. Точно так же нет диалектического материализма без его сущности — исторического материализма.

Фактически у нас утвердилось следующее ненормальное положение: одна философия (диалектический материализм) обращена к природе и объявляется методологией естественных наук, другая философия (исторический материализм) обращена к обществу и объявляется методологией общественных наук. Такое «разделение труда» этих двух «философий» является логическим завершением того раскола, о котором речь шла выше. Между тем, в марксизме нет двух философий и двух методологий наук, а есть одна философия и одна методология для всех без исключения наук — и естественных, и общественных — диалектический материализм. Какую методологию Маркс применял в исследовании такой общественной науки, как политическая экономия? Исторический материализм? Нет! Материалистическую диалектику как Логiku и теорию познания. Не довольствуясь существованием «двух философий», некоторые авторы в недалеком прошлом ратовали за создание «третьей философии» — диалектики природы. Но логика вещей подсказывает, что это не все, что надо придумать еще одну философию, которая объединяла бы все эти три части. В противном случае мы останемся без философии.

Предмет исторического материализма, как он определен в программе курса марксистско-ленинской философии для вузов, не имеет ни своей относительной самостоятельности, ни своей специфики. Это искусственно выхваченные из разных частей марксизма и столь же искусственно соединенные между собой «куски», которые просто повторяют другие частные дисциплины. Так, например, вопросы темы «Природа и общество» должны рассматриваться в теме «Материя и сознание», ибо в марксистском, а не в метафизически-материалистическом понимании материя и есть природа и общество. Третья тема посвящена материальному производству, способу производства и т. д. Но, во-первых, материальное производство есть материя, высшее состояние материи; во-вторых, есть специальная марксистская наука — политэкономия, предметом которой как раз и являются способы производства. Никакой необходимости в таком параллелизме нет. Темы «Классы и классовая борьба», «Политическая организация общества», «Социальная революция», «Роль народных масс и личности в истории. Личность и общество» изучаются и должны изучаться юридическими науками, историей партии, социологией, научным коммунизмом и т. д. Тема «Общественное сознание и его структура» должна изучаться в теме «Материя и сознание», а тема «Формы общественного сознания» —

соответствующими частными науками: этикой, эстетикой, научным коммунизмом, науковедением и т. д.

Таким образом, если устранить повторения, то на долю предмета исторического материализма ничего не останется. Растворяя этот великий принцип во множестве тем из других наук, мы тем самым не возвышаем, а принижаем его значение. Расширительное понимание этого принципа не идет ему на пользу. И если ко всему этому добавить то, что исторический материализм, отделившись от диалектического материализма, выражает лишь один принцип материалистического понимания истории без указания на диалектику, то становится абсолютно очевидной научная несостоятельность вычленения исторического материализма из диалектического.

Поэтому не случайно классики марксизма-ленинизма свою философию не делили на две философии — диалектический материализм и исторический материализм. Но поскольку в социологии тогда господствовал идеализм, то ей противопоставляли прежде всего исторический материализм. В связи с этим может возникнуть вопрос, а нет ли необходимости в создании отдельной науки об обществе — марксистской социологии? Положительный ответ на этот вопрос может быть дан в том случае, если будет определен специфический предмет исследования. Без него не может быть науки. У нас в стране есть еще такие НИИ (в том числе социологических исследований АН СССР), которые, не вычленив предмета, не знают, чем заниматься.

Как же случилось, что в наш век, в эпоху научно-технического прогресса, когда бурно развиваются частные науки, в особенности естественные, наша философия оказалась в таком положении, что приходится говорить об ее эрозии?

Причин, конечно, много! Но главная из них — это незнание и неприменение «Капитала» Маркса, главного труда марксизма. Доказательством этого являются «Программа» и соответствующие учебники. Говоря о методе Маркса в «Капитале», В. И. Ленин писал: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»¹. Но метод Маркса у нас «нередко подменяется, однако, попытками формализовать, выхолостить метод «Капитала», свести его к «системно-структурному подходу», заимствованному преимущественно из сферы биологии, семиотики, лингвистики»².

«Капитал» Маркса есть образец глубочайшего научного исследования, где совершенная логическая форма наилучшим образом воплощает в себе развитое диалектическое содержание, соответ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

² Революционная диалектика марксистского реализма. С. 44.

ствуя ему, где субординированная система категорий воспроизводит предмет как генетически и синтетически развитое, диалектически расчлененное единое целое. Это богатство «Капитала» мы использовали еще недостаточно. Поэтому изложение курса диалектического материализма страдает, по нашему мнению, рядом существенных недостатков.

Рассмотрим «Программу курса марксистско-ленинской философии для вузов». В ней имеются, кроме приведенных выше, по крайней мере, следующие недостатки. Не реализуются два основных логических принципа научного исследования и изложения, а именно: восхождения от абстрактного к конкретному и совпадения исторического и логического. Применение их исключительно важно. В результате нет системы субординированных категорий, а есть хаотичность в изложении, причем многие темы излагаются не в строгом соответствии с требованиями марксистской диалектики. Так, темы «Материя и основные формы ее существования» и «Сознание, его происхождение и сущность» излагаются до диалектики, вследствие чего получаются два оторванных друг от друга «куска» (этим, кстати, характеризовалась домарксистская философия). Совершенно непонятно, по какому критерию одни парные категории объявляются законами диалектики, а другие только категориями. Например, почему «качество и количество» есть закон, а, скажем, «содержание и форма» — не закон, а категории. Не подчеркивается и не проводится до конца идея сути диалектики — взаимопревращения противоположностей, что обедняет самое диалектику.

Глубокое осознание той истины, что решение этой проблемы возможно только на путях творческого использования логической структуры — логического богатства «Капитала» Маркса, обеспечило бы ее практическое решение. Изложение в «Капитале» реализовано в форме спирали. Первый том «Капитала» — процесс производства капитала (сущность); второй том — процесс обращения капитала (явление); третий том — процесс капиталистического производства, взятый в целом (действительность).

Логическая структура «Капитала» Маркса не есть частный случай, применяющийся только при анализе капитализма, а является той единственно возможной всеобщей формой, в которой теоретическое мышление может и должно логически воспроизвести, воссоздать предмет как диалектически расчлененное единое целое. Любое зрелое, развитое теоретическое исследование целого (а не части) возможно на основе логической структуры «Капитала» Маркса: разделение единого на две части (единого капитала на его производство и его обращение), изучение каждой части в чистом виде и синтез обеих частей (процесс капиталистического производства, взятый в целом), т. е. воссоздание целого, что и явля-

ется реализацией принципов восхождения от абстрактного к конкретному и совпадения исторического и логического.

Поскольку диалектический материализм есть целое, то его необходимо разделить на две части: на учение о материи и учение о сознании, изложить эти части в чистом виде как самостоятельные моменты, а затем в третьей части, в учении о действительности, синтезировать их, воссоздав, таким образом, единое органическое целое, а не механическую сумму частей. При этом, разумеется, следует подчеркнуть, что эта цель может быть достигнута лишь при одном условии: если эта трехчленная форма будет наилучшим образом соответствовать своему содержанию — диалектике, понимаемой как Логика, как теория познания.

А пока приведенных фактов эрозии диалектического материализма достаточно, чтобы убедиться в том, что она:

- наносит огромный ущерб самому диалектическому материализму, поскольку обедняет его содержание, выхолащивает его революционную, научную сущность;
- ослабляет позиции диалектического материализма в обостряющейся идеологической борьбе;
- упрощает, дискредитирует, опошляет диалектический материализм;
- утверждает легкомысленное, легковесное отношение к нему.

В новой редакции Программы КПСС указано: «Принципиальной, выверенной основой естественно-научного и социального познания была и остается диалектико-материалистическая методология. Ее нужно и дальше творчески развивать, умело применять в исследовательской работе и общественной практике»¹.

Одно безусловно. Основная задача состоит в том, чтобы решительно преодолеть указанные недостатки и добиться коренной перестройки нашей философии на основе овладения логическим богатством «Капитала», решительно и последовательно очистив ее от антинаучной шелухи, накопившейся за десятилетия, ибо, как отмечал М. С. Горбачев, «схоластика, начетничество и догматизм всегда были путями для действительного приращения знаний. Они ведут к застою мысли, мертвой стеной отгораживают науку от жизни, тормозят ее развитие»².

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 167.

² Там же. С. 85.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

§ 1. Предмет — производственные отношения

Итак, как мы убедились, незнание главного труда марксизма, «Капитала» К. Маркса, является решающей причиной эрозии марксистско-ленинской философии — диалектического материализма. Вместе с тем это незнание в не меньшей степени является решающей причиной эрозии марксистско-ленинской политической экономии.

То, что «Капитал» сложное, «неудобоваримое» произведение, известно. Иначе царский цензор не разрешил бы издание его первого тома, записав: «Книгу не многие прочтут в России, а еще менее поймут ее».

Рассмотрим, по каким же линиям и как происходят многочисленные извращения «Капитала» в современной специальной политико-экономической литературе. Начнем с предмета. Что же является предметом политической экономии? Казалось бы, это до такой степени ясно, что здесь не может быть никакого сомнения. Но так ли это? В «Программе курса политической экономии для вузов» и в соответствующих учебниках нигде не говорится, что предметом являются производственные отношения в чистом виде, но совершенно определенно сказано, что предметом политической экономии является способ производства¹. Под способом же производства в литературе принято совершенно однозначно и определенно понимать единство производительных сил и производственных отношений. Следовательно, предметом политэкономии являются как производительные силы, так и производственные отношения. Однако это не так! Или же, если признают производственные отношения, то обязательно добавляют «в неразрывной связи с производительными силами».

¹ Программа курса политической экономии для высших учебных заведений/ Под ред. А. О. Пенкина, В. Г. Чумиченко. М., 1987. 48 с. Председатель программной комиссии А. Г. Аганбегян. Проект нового учебника политической экономии еще более усугубляет это заблуждение. См. Вопросы экономики. 1988. № 3.

Производительные силы являются предметом не политэкономии, а других наук. Предметом же политэкономии являются производственные отношения и только! В чистом виде, без примесей! Так, товар есть единство потребительной стоимости и стоимости. Но «потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения»¹. Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей — товаров, Маркс вскрыл отношения людей. «Это — лишь определенное, — писал К. Маркс, — общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами»². Маркс неоднократно подчеркивал, что «капитал не есть вещь, а отношение», что «политэкономия — не технология», что задача политэкономии «состоит именно в том, чтобы раскрыть, *как* закон стоимости прокладывает себе путь»³ и т. д.

Ссылка же на слова К. Маркса, что «предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства», абсолютно беспочвенна, поскольку К. Маркс под этим понимал капиталистический тип производственных отношений. И только! Без производительных сил! Также беспочвенно рассуждение о том, что производительные силы и производственные отношения «тесно», «органически» взаимосвязаны и потому их нужно исследовать вместе. Всякое явление находится в бесконечных связях со всем остальным миром. Оно невозможно без этого. Но если его объективное бытие невозможно в разделении, в членении своих сторон, то его познание невозможно без разделения, без членения этих сторон и без рассмотрения их в чистом виде. Суть принципа рассмотрения в чистом виде состоит в следующем: для мысленного воспроизведения предмета в чистом виде надо оставить в стороне все отношения, не имеющие ничего общего с данным объектом анализа, надо отвлечься от всех тех обстоятельств, которые не вытекают из имманентных рассматриваемому предмету законов и которые скрывают внутреннюю игру механизма исследуемого процесса, затемняют и деформируют его истинный ход. Ибо «мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, огрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и **всякого** понятия.

И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей»⁴.

Незнание принципа рассмотрения в чистом виде было гносео-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 44.

² Там же. С. 82.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 461.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 233.

логической причиной многочисленных заблуждений домарксистских экономистов. «Все политико-экономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты. Какие теоретические заблуждения с необходимостью должны были отсюда возникнуть, это раскроется полнее в третьей главе, где анализируется та весьма превращенная форма, которую принимает прибавочная стоимость, выступая в виде прибыли»¹.

Незнанием этого принципа объясняются многочисленные заблуждения авторов «Программы курса политической экономии» и соответствующих учебников. Включение в предмет политэкономии производительных сил объясняется этим незнанием; им же объясняется путаница в понимании предмета исследования вообще. Ибо прежде чем приступить к исследованию, нужно вычленить предмет исследования из всех связей, отношений, причём его исследование может быть успешным, если он в своем развитии достиг классической зрелости. Так, Маркс, во-первых, вычленил капитал из остальных связей и отношений и рассмотрел его в чистом виде, а во-вторых, вычленил капитал зрелый, развитый — капитал середины XIX в.

Исследуя именно такой капитал в чистом виде, Маркс пришел к совершенно четкому и определенному выводу о двух стадиях капиталистического обобществления труда — мануфактуры и крупной промышленности. Так, он подчеркивал, что «возникновение мануфактуры есть в то же время возникновение капиталистического способа производства...»², что «соответствующий капиталу способ производства, может существовать только в двух формах: в форме мануфактуры или в форме крупной промышленности»³. Сказано ясно. Однако с некоторых пор в нашей литературе, в особенности политико-экономической, говорится о трех стадиях: простая кооперация, мануфактура, крупная индустрия⁴. Как же могло случиться, что некоторые авторы простую кооперацию включили в характеристику капитализма?

Обычно ссылаются на В. И. Ленина, который на основе исследования развития капитализма в России XIX в. сделал вывод, что «главных стадий этого развития три: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)»⁵. Однако В. И. Ленин исследовал в отличие от Маркса не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 6.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 84.

³ Там же. С. 81.

⁴ См., например: Политическая экономия/Под ред. А. М. Румянцева. М., 1982. С. 136.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 542.

классическую форму развитого капитализма, а конкретную русскую действительность XIX в., где мелкое товарное производство имело определенный удельный вес, хотя уже шел процесс его превращения в капиталистическую мануфактуру. Как подчеркнул К. Маркс, простая кооперация «совпадает с производством в широких размерах, но она не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи развития капиталистического производства»¹. Другими словами, В. И. Ленин одну и ту же форму — мануфактуру — рассматривает в двух аспектах: как мелкое товарное производство, т. е. зачатки мануфактуры, и как собственно мануфактуру.

Прямым нарушением рассматриваемого принципа является определение предмета политической экономии социализма в «Программе курса политической экономии». Содержащееся в ней определение «Социализм — первая фаза коммунистического способа производства» вызывает возражение. Во-первых, потому, что социализму соответствует социалистический способ производства, а не коммунистический. Во-вторых, потому, что в социалистический способ производства входят не только определенные производственные отношения, но и соответствующие им производительные силы. В-третьих, потому, что социализм есть единство и материальной, и духовной стороны жизни общества. Но ни производительные силы, ни духовные явления не составляют предмет политэкономической науки. Предметом политической экономии социализма является совокупность материальных производственных отношений (и только), и этот предмет следует вычленить и исследовать, излагать в чистом виде, как это делал Маркс, не смешивая его с другими отношениями. В противном случае действительного научного исследования не будет. И если в предмет политэкономии включаются и другие явления, скажем, производительные силы, то, во-первых, само научное исследование производственных отношений становится невозможным, поскольку оно засоряется всякими примесями — предметами других наук; во-вторых, смазывается, притупляется классовый, партийный характер политической экономии, поскольку последняя разбавляется товароведением, технологией и т. д. Недаром классики марксизма решительно выступали против такой мешанины. Ученые профессора, писал В. И. Ленин еще в 1898 г., плохо понимают политическую экономию, сбиваясь с общественных отношений производства на производство вообще и наполняя «свои толстые курсы грудой бессодержательных и не относящихся вовсе к общественной науке банальностей и примеров»².

Однако так поступают и те авторы, которые не исследуют пред-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 347.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 35.

мет политэкономии в чистом виде и которые поэтому не дают полноценных научных результатов. Такие исследования носили и носят спорадический, бессистемный и поверхностный характер. Поэтому и возникла серьезная проблема самопознания социализма, притом самопознания не на рассудочно-эмпирическом, а на разумно-теоретическом уровне.

Январский и июньский (1987 г.) Пленумы ЦК, развивая решения XXVII съезда КПСС, указали на серьезные недостатки, которые как следствие отсутствия этого самопознания стали на практике тормозом социально-экономического развития. Перечислим хотя бы некоторые из них.

1. Конъюнктурная интерпретация концепции развитого социализма исключала исследование назревших коренных экономических задач.

2. Шел процесс игнорирования принципов социалистической кооперации, экономического значения подсобных хозяйств, возможностей индивидуальной трудовой деятельности.

3. Односторонняя абсолютизация централизации порождала скованность инициативы, самостоятельности и социалистической предприимчивости.

4. Недооценивалась роль закона стоимости, товарно-денежных отношений вообще при социализме. Дело доходило до абсурда. В то время, когда партия принимала решения о разворачивании производства товаров народного потребления, «антитоварники» отрицали товарный характер социалистического производства. Конечно, такое положение можно объяснить традициями культа личности. Так, в «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталин предлагал «постепенно переходить от товарообмена к продуктообмену», а цифры 60 млн тонн стали, 60 млн тонн нефти в год назывались цифрами коммунизма. Однако сегодня мы добываем не 60 млн тонн, а во много раз больше, а до коммунизма еще далеко.

5. Объективный характер экономических законов социализма понимали и понимают до сих пор так, что они «не зависят» от людей: «они сами по себе в одних условиях возникают, а в других — сходят со сцены» (это из той же работы Сталина). Но экономические законы общества — это деятельность людей, а деятельность людей и есть люди. И вполне понятно, что гипостазирование экономических законов социализма, их обожествление, их отрыв от людей не могли не порождать фатализма, а следовательно, недооценки человеческого фактора, и это при социализме, где критерием общественного прогресса является человек.

Поэтому необходимо преодолеть существующее заблуждение, и предмет марксистской политэкономии, как капитализма, так и социализма, нужно вычленить и исследовать в чистом виде, как это делали Маркс и Ленин.

§ 2. Тожество противоположностей

Еще более плохо обстоит дело с овладением логическим богатством «Капитала». Незнание этого богатства является источником многих недоразумений. Маркс в «Капитале» разработал свой метод — диалектический материализм как Логику, теорию познания, все его принципы на высшем уровне. Как было показано выше, еще не все наши философы овладели методом «Капитала». Но это в полной мере относится и к политико-экономам, так как не все из них овладели принципом диалектического тождества, руководствуются формально-логическим тождеством, которое непригодно для понимания «Капитала».

Классики марксизма не отрицали роли формально-логического тождества в познании. Но в то же время они указывали на его ограниченность, односторонность, недостаточность. Это тождество истинно только в определенных границах, в пределах абстрактного совпадения предмета с самим собой ($a=a$). В силу этого оно абстрагируется от истории предмета, от его изменений, от его внутренней диалектики. Поэтому как только оно выходит за рамки своего применения, то сразу превращается в источник заблуждений. Следовательно, дело не в самом формально-логическом тождестве, а в его абсолютизации, подмене им диалектического тождества.

Формально-логическое тождество есть абстрактное тождество, поскольку оно очищено от различия, не выражает противоположностей единства, в то время как диалектическое тождество заключает в себе и для себя различие, оно конкретно, т. е. является тождеством противоположностей и выражается формулой $a=a$ и не- a .

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что диалектика есть учение о тождестве противоположностей. Понимание этого недоступно рассудку, оно доступно лишь разуму. Но именно такое разумное понимание тождества имеет неоценимое значение для всего научного исследования. Например, достижения современной физики были бы абсолютно невозможны без применения, пусть даже стихийного, диалектического тождества. Сотни лет физики, руководствуясь формально-логическим тождеством, спорили по вопросу о природе света: одно направление доказывало его корпускулярную природу, другое — волновую. И лишь недавно физика постигла истину — не только свет, но и любой микрообъект есть тождество противоположностей — частицы и волны.

«Капитал» Маркса является классическим, богатейшим по своему содержанию образцом разработки и применения принципа тождества противоположностей. Каждое положение, каждая поли-

тико-экономическая категория, каждый параграф, глава, отдел, том, наконец, все три тома этого гениального труда исследуются на основе этого принципа. Так, товар есть тождество противоположностей — потребительной стоимости и стоимости. В связи с этим заметим, что в литературе нередко товар определяют как единство потребительной стоимости и меновой стоимости. Правда, Маркс начинает исследование именно с этого единства, но лишь для того, чтобы восходить от наглядного, чувственно данного, от внешней формы к сущности (стоимости). Следовательно, истина состоит в том, что товар есть тождество потребительной стоимости и стоимости. Меновая же стоимость есть форма проявления, выражения стоимости.

«Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость... и „стоимость”»¹

Исследуя стоимость как тождество противоположностей, Маркс сначала показывает, что в обмене один товар принимает относительную форму, другой — эквивалентную. На этом этапе исследования Маркс делает вывод: «Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга»². Однако на этом нельзя останавливаться, ибо здесь речь идет о противоречии «в разных отношениях». Между тем в дальнейшем восхождении Маркс показывает, что этот анализ фиксирует лишь эмпирическую форму стоимости, и не теоретическую, т. е. не самую стоимость, так как в понятии стоимости выражается не внешнее отношение одного товара к другому, а отношение данного товара к самому себе, рефлектированное через отношение к другому товару. В отношении к другому товару стоимость проявляется лишь односторонне.

В обмене один и тот же товар не может находиться в обеих формах и в то же время должен в них находиться, ибо каждый из двух товаров взаимно полагает в другом ту форму, в которой не может находиться. Владелец холста рассматривает сюртук только как эквивалент, а свой товар (холст) как только относительную форму. Владелец же сюртука мыслит наоборот. Оба товара измеряют свою стоимость друг в друге и взаимно служат материалом измерения. Следовательно, один и тот же товар вынужден одновременно, в одном и том же отношении находиться сразу в обеих формах.

В «Капитале» подчеркивается, что прибавочная стоимость одно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 70.

² Там же. С. 58.

временно возникает в сфере обращения и не в сфере обращения. Здесь действует принцип «и—и», а не «или». «Как ни вертись, — пишет Маркс, — а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости...»¹. Но это, опять-таки, лишь одна сторона дела. Другая сторона его в том, что деньги, пущенные в оборот, приносят прибыль — Д...Д', при одновременном соблюдении закона стоимости. «Итак, капитал не может возникнуть из обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении.

Мы получили, таким образом, двойственный результат.

Превращение денег в капитал должно быть раскрыто на основе имманентных законов товарообмена, т. е. исходной точкой должен послужить нам обмен эквивалентов. Наш владелец денег, который представляет собой пока еще только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение... в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы»². Извращение этой диалектики в литературе — не редкость. Так, в учебнике политической экономии под редакцией А. М. Румянцева утверждается: «Анализ сферы обращения показывает, что прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения» (с. 62).

Как известно, Маркс во втором томе «Капитала» в разделе (§) «Воспроизводство общественного капитала. Экономические кризисы» условия воспроизводства и условия реализации также исследует на основе принципа не формального, а диалектического тождества. Но учебник их отождествляет.

Возникает вопрос, почему Маркс сначала товар определяет так, а потом иначе, или почему сначала он утверждает, что один и тот же товар не может одновременно находиться в обеих формах, а потом — что может, должен и т. д.? Дело в том, что у Маркса исследование реализуется на основе разработанных им принципов диалектики — тождества противоположностей, восхождения от абстрактного к конкретному, совпадения логического и исторического и т. д. Так же исследуется прибавочная стоимость и все другие политэкономические категории.

Следует подчеркнуть, что любая подмена диалектического тождества формальным или неумение применять тождество противоположностей в научном исследовании мешает изложению самого диалектического материализма как Логики и теории познания марксизма. Нужно всегда исходить из того, что *«диалектика*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 174.

² Там же. С. 176—177.

есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»¹.

Труд также исследуется, в отличие от Смита и Рикардо, как тождество противоположностей — абстрактного и конкретного.

А вот пример того, как диалектика Маркса подменяется формально-логическими рассуждениями: «Первый вид труда называется *конкретным трудом*, второй — *абстрактным*»². Но ведь это безграмотно. У Маркса нет такой классификации труда. Видов труда множество, но любой вид труда есть тождество противоположностей — абстрактного и конкретного. Эти противоположности не виды труда, как утверждает учебник, а диалектическое тождество противоположностей одного и того же (любого) вида труда.

Развивая это ошибочное положение, авторы учебника там же пишут: «Абстрактный труд — характерная особенность товарного производства. Он выражает отношения товаропроизводителей и потому является исторической категорией»³.

Мнение о том, что при коммунизме отомрет абстрактный труд, а конкретный останется, широко распространено. Более того, есть и такие авторы, которые пишут, что уже сейчас полным ходом идет процесс отмирания абстрактного труда⁴.

Обратимся к «Капиталу» и рассмотрим, что такое абстрактный труд. Если отвлечься, пишет Маркс, от потребительной стоимости товарных тел, от полезного характера представленных в них видов труда, следовательно, от различных конкретных форм видов труда, то останется абстрактно человеческий труд, т. е. затрата «человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты»⁵. Или: «если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он есть расходование человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д. и в этом смысле — один и тот же человеческий труд»⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98.

² Политическая экономия/Под ред. А. М. Румянцев. Т. 1. С. 49.

³ См.: там же.

⁴ См.: Мелентьев А. Актуальные аспекты Марксовой концепции абстрактного труда//Коммунист. 1984. № 17. С. 57—70.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 46.

⁶ См.: там же. С. 52—53.

Итак, «всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, — и в этом своем качестве одинакового, или абстрактного человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости»¹. Сказано совершенно ясно и определено: всякий труд есть тождество противоположностей — абстрактного и конкретного труда.

До Маркса классическая буржуазная политическая экономия Смита и Рикардо не смогла дать научного исследования труда как тождества противоположностей. Величайшим завоеванием политико-экономической мысли является исследование Марксом труда как тождества противоположностей. Сам Маркс считал, что это является отправным пунктом, от которого зависит понимание фактов².

Тем более непонятно то, что советские авторы, объявляя абстрактный труд свойством только товарного производства, тем самым фактически перечеркивают это великое открытие научной мысли.

Но возможен ли труд без расходования человеческой рабочей силы в физиологическом смысле? Естественно, нет! Всякий труд, независимо от социальных условий, независимо от того, совершается ли он при товарном производстве или при его отсутствии, всегда и всюду есть расходование человеческой рабочей силы. Поэтому утверждать, что конкретный труд может существовать без абстрактного, абстрактный — без конкретного, значит утверждать бессмыслицу, значит отрицать марксистскую диалектику вообще, диалектику тождества противоположностей и открыть двери софистике. Подобные утверждения перекликаются с современными буржуазными теориями «индустриального общества», «постиндустриального общества», «технократии» и т. д., утверждающими, что по мере научно-технического прогресса исчезнет рабочий класс, который заменит техника, а монополисты будут вечно господствовать над машинами и, таким образом, будут избавлены от «беспокойных» рабочих и их революции.

В понимании Маркса нет конкретного без абстрактного, и наоборот. В «Капитале» не только труд, но и любая другая категория исследуется как тождество противоположностей — абстрактного и конкретного, что означает реализацию в исследовании великого принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Однако это возможно понять не на уровне рассудка — формальной логики, а на уровне разума — диалектической Логики.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 55.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 277.

Теперь нам следует выяснить, каким образом абстрактный труд является субстанцией стоимости. Это означает, что в одних социальных условиях абстрактный труд является субстанцией стоимости, а в других — нет. В условиях товарно-денежных отношений, когда продукты труда товаропроизводителей реализуются через обмен, когда необходимо сопоставлять, соизмерять затраты воплощенного в них труда, тогда абстрактный труд является субстанцией стоимости. Но когда нет этих условий, то он не является таковым. Так, например, «в античной домашней промышленности женщины производили платье, не производя его меновой стоимости»¹.

С отмиранием товарно-денежных отношений при коммунизме отомрет не абстрактный труд, а его функция быть субстанцией стоимости. Отметим, что отмирание абстрактного труда есть исчезновение и конкретного труда, т. е. труда в целом, а без труда не было и не может быть человеческого общества.

Теперь разберем, хотя бы вкратце, те главные софизмы, которые выдаются за аргументы против марксистского понимания труда как тождества противоположностей — абстрактного и конкретного.

Софизм первый. По мнению наших авторов, если «Капитал» посвящен капиталу, то все, что в нем написано, относится только к капиталу. Если, скажем, в нем говорится о двойственном характере труда, то это относится только к труду товаропроизводителей, если в нем сказано, что «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой», то под этим тоже нужно понимать только труд товаропроизводителей и т. д.². Попробуем доказать несостоятельность данного софизма.

Действительно, предметом «Капитала» является не «товарное производство вообще», а капитал, а более того, не просто капитал, а капитал развитой, капитал второй половины XIX в. (это имеет принципиальное значение). Но это отнюдь не исключает того, что Маркс исследует в «Капитале» понятия (категории): 1) выражающие производственные отношения товарного производства вообще, во всех социальных условиях («товар», «потребительная стоимость», «меновая стоимость», «стоимость» и т. д.); 2) понятия, отражающие собственно капиталистические производственные отношения («прибавочная стоимость», «норма прибавочной стоимости», «прибыль», «превращение прибыли в среднюю прибыль», «закон тенденции нормы прибыли к понижению» и т. д.); 3) понятия, отражающие производственные отношения во всех общественно-экономических формациях, т. е. общесоциологические («труд», «производственные отношения», «средства труда», «продукт труда» и т. д.).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 23.

² См.: Коган А. К вопросу о природе абстрактного // Экономические науки. 1979. № 5. С. 93.

Естественно, что эти понятия смешивать нельзя, как и «зачислить во внеисторические». Допустим, что слова Маркса «всякий труд» понимают как труд только в условиях товарного производства. Но ведь в то же время наши авторы не говорят, а где и когда существовал труд, не являющийся тождеством противоположностей?

Разрабатывая диалектику двойственного характера труда, Маркс не сделал оговорки, что эта диалектика относится к труду вообще, в любых социальных условиях, в том числе и капиталистических. Почему он этого не сделал? Да потому, что каждое положение, каждую категорию от начала до конца он исследует на основе принципа тождества противоположностей. Но там, где это необходимо в интересах исследования, он делал подобные оговорки. Например, в V главе первого тома «Капитала» он пишет: «...процесс труда необходимо рассмотреть сначала независимо от какой бы то ни было определенной общественной формы»¹; процесс труда — «...вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни... а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»².

Софизм второй. «При определенных исторических условиях конкретный труд существует без абстрактного труда»³. Данное положение выдается за «марксистскую методологию», за «универсальную гибкость» понятий, — в одних условиях есть единство абстрактного и конкретного, в других — нет, т. е. они могут существовать друг без друга. Но этот софизм не имеет не только ничего общего с марксизмом, но и прямо направлен против него. Так можно договориться до того, что в одних исторических условиях меновая стоимость может существовать без стоимости, а в других — стоимость без меновой стоимости, и выдавать это за диалектику, за гибкость понятий. Однако следует напомнить, что, во-первых, не всякая гибкость понятий есть диалектика, ибо «гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике»⁴; во-вторых, невозможна одна противоположность единства без другой. Так, например, Прудон брал одну противоположность единства, а другую отбрасывал. Маркс тогда разъяснял Прудону, что «диалектическое движение для самого г-на Прудона состоит лишь в догматическом различении хорошего и дурного», что «сосуществование двух взаимно противоположных сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит себе задачу устранения дурной стороны, уже одним этим

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 188.

² Там же. С. 195.

³ Коган А. К вопросу о природе абстрактного. С. 94.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 99.

сразу кладет конец диалектическому движению»¹, что «одна сторона противоречия так же немыслима без другой, как невозможно иметь в руке целое яблоко после того, как съедена его половина»².

А вот наши авторы доказывают, что «возможно»! Они имеют в одном кармане абстрактный труд, в другом — конкретный, и когда захотят, по своему желанию, выбросят абстрактный труд как «дурную сторону» единства, но сохранят его «хорошую сторону» — конкретный труд. Подобные рассуждения находятся как раз на уровне рассудочной классической политэкономии Смита и Рикардо, которая «нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и *тем же самым трудом* (выделено мной. — А. М.), поскольку он выражается в потребительной стоимости продукта»³. У Маркса совершенно ясно сказано об одном и том же труде («тем же самым трудом») как тождестве противоположностей, а у наших авторов тоже совершенно ясно говорится о двух видах труда. Допустим, что где-то будет существовать конкретный труд без абстрактного. Но означает это, что не будет существовать затрат человеческой рабочей энергии, т. е. не будет людей, а останутся одни машины, скажем, роботы, которые и будут выполнять конкретный труд без абстрактного.

Но наши авторы не могут не знать, что труд в любых социальных условиях невозможен без физиологических затрат рабочей силы. Как быть? Может быть, физиологические затраты назвать не абстрактным трудом, а иначе. Но это «иначе» должно быть противоположностью конкретного труда или нет? Если нет, то мы имеем дело не с реальным трудом, а с чудом. Если да, то что изменится от этого? Как бы то ни было, остается единственно возможным: избавиться от действительного противоречия тем, что эти затраты назвать не абстрактным трудом, а иначе, т. е. изменить правильное наименование вещей. Но такой прием тоже не оригинален. Еще в XIX в. вульгарный экономист Ф. Бастиа пытался отделаться от противоречия самих вещей, объявив их «спором о словесных определениях». Противоречие, писал Маркс, хотят решать «с помощью *словесной фикции*, путем изменения правильных наименований вещей»⁴.

Софизм третий. В «Капитале» К. Маркса термин «конкретный», данный в сочетании со словом «труд», выражает не философское понятие «конкретного» как единства многообразного, а «специализированный труд»⁵. Это жонглирование понятиями тоже не оригина-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 135—136.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 70.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 90.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 3. С. 85.

⁵ См.: Коган А. К вопросу о природе абстрактного. С. 94.

нально. Так, неокантианцы, махисты и др. в свое время упрекали Маркса в том, что он не написал ни одного философского произведения, что «абстрактное», «конкретное» не имеет никакого философского значения и т. д. Энгельс и Ленин называли это философское произведение «Капитал»! В связи с этим вспомним, что в оценке «Капитала» имели место две крайности: 1) «Капитал» есть только экономическое произведение, и в нем нет никакой философии; 2) «Капитал» есть только философское умозрение в духе гегелевской триады. Истина же состоит в том, что «Капитал» есть главный труд марксизма, где на высшем уровне развиты все три его части — политэкономия, философия и научный коммунизм. Именно здесь Маркс всесторонне на конкретном политико-экономическом материале разработал основные принципы и категории диалектического материализма, в том числе и категории «абстрактное» и «конкретное», и не следует свои собственные домыслы об этих категориях приписывать Марксу, вместо того, чтобы усвоить их марксистское понимание.

Но допустим, что кто-то «исправляет» или «развивает» Маркса и под «конкретным трудом» понимает не «единство многообразного», а «специализированный труд». Но что это такое? Разве бывает «неспециализированный труд»? Всякий труд «специализированный», ибо существует в определенной конкретной, специальной форме конкретного труда, содержащего в себе, а не рядом, свою сущность — абстрактный труд. Называть ли конкретный труд «специализированным» или каким-либо другим, от этого ничего не меняется. Но для чего понадобилась подобная казуистика? Во-первых, для того, чтобы конкретный труд непременно очистить от его сущности — абстрактного труда и представить «специализированный труд» в отрыве от затрат человеческой энергии, т. е. без абстрактного труда; во-вторых, это делается для того, чтобы доказать, что конкретный труд не есть «единство многообразного» и может существовать без абстрактного труда. Однако любой вид труда, как бы его ни называли, есть конкретный труд потому, что кроме общего (затраты человеческой рабочей силы), свойственного всем видам труда, имеет свою специфику, свою качественную определенность, потому-то он конкретен, т. е. богаче абстрактного, и есть «единство многообразного».

Софизм четвертый. «Справедливо, конечно, что любой труд требует расходования рабочей силы человека. Но отсюда отнюдь еще не следует, что абстрактный труд — внеисторическая категория. В том-то все и дело, что труд как таковой и труд абстрактный, т. е. создающий стоимость, не тождественные понятия. Только при определенных исторических условиях труд выступает и как частный, и как общественный¹. И здесь же ссылка на Маркса:

¹ Коган А. К вопросу о природе абстрактного. С. 94.

«Частный труд должен ... выявить себя непосредственно как свою противоположность, как *общественный труд*; этот превращенный труд, как непосредственная противоположность частного труда, есть *абстрактно всеобщий труд*»¹. Разберемся в этих цитатах.

Во-первых, труд как таковой и труд абстрактный нельзя отождествлять, ибо труд абстрактный есть одна сторона, одна противоположность единого труда, другой его противоположностью является конкретный труд.

Во-вторых, абстрактный труд нельзя отождествлять, как это делает А. Коган, с абстрактным трудом — субстанцией стоимости, поскольку первый аспект понятия «абстрактный труд» есть простая затрата человеческой энергии, свойственная любому труду в любых социальных условиях, независимо от этих условий, т. е. затрата человеческой рабочей силы². В то же время второй аспект данного понятия — это абстрактный труд, который в определенных социальных условиях создает стоимость, т. е. является модификацией простой затраты человеческой энергии в определенных исторических условиях товарного производства. Ошибка А. Когана состоит в том, что он абсолютизирует этот второй аспект, смешивая первый и второй аспекты этого понятия, и приходит к выводу, что абстрактный труд — свойство только товарного производства.

В-третьих, труд всегда был, есть и будет единством не только абстрактного и конкретного, но и общего и частного, т. е. общего и единичного, отдельного. Поэтому положение, согласно которому «только при определенных исторических условиях труд выступает и как частный, и как общественный», неверно. Как же он выступает в иных исторических условиях? Разве может существовать единичное без общего и наоборот?

В-четвертых, А. Коган вынужден признать, что «справедливо, конечно, что любой труд требует расходования рабочей силы человека». Однако в понимании Маркса это и есть абстрактный труд. Но если он не согласен с таким понятием, пусть дает свое. Однако этого он не делает, а просто постулирует: абстрактный труд есть свойство только товарного производства. Что сверх того, то от лукавого. В-пятых, что же касается цитаты Маркса, то он имеет в виду второй аспект понятия «абстрактный труд», конкретнее — частный и общественный труд в условиях капитализма.

Софизм пятый. Наши авторы делят категории на две группы — исторические и неисторические — и выдают это за принцип марксистского историзма. К сожалению, может быть, они слышали об этом принципе, но не разобрались в нем, иначе не было бы такой «классификации» категорий. Напомним суть этого принципа: «не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 3. С. 137.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 149.

забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Следовательно, все категории носят исторический характер, ибо все они возникли, проходили главные этапы в своем развитии. Поэтому нелепо делить категории на «исторические» и «неисторические». Еще Маркс разъяснял Прудону, что «категории так же мало являются вечными, как и те отношения, выражением которых они являются. Это — продукты исторические и преходящие»². Следовательно, абстрактный труд носит исторический характер. Это означает, что, во-первых, он, как расходование человеческой рабочей силы, возник вместе с возникновением человеческого общества.

Во-вторых, он проходил в своем развитии такие главные этапы, как первобытное общество, где он не создавал никакой стоимости, и рабовладельческое, феодальное и капиталистическое общества, где он создавал стоимость, сообразно этим социальным формам.

В-третьих, абстрактный труд развивается к коммунизму, где он не будет создавать никакой стоимости, а будет создавать продукт труда, свободный от товарной формы, т. е. возвратится к своему исходному состоянию, но на высшей основе. Отрицание отрицания! И все эти метаморфозы он проделал, разумеется, в единстве со своей противоположностью, конкретным трудом.

Утверждать же, что абстрактный труд «историческая» категория в том смысле, что он есть только «свойство товарного производства», означает утверждать самый настоящий антиисторизм, ибо допускается, что в условиях нетоварного производства будет иметь место конкретный труд без своей противоположности, т. е. без затраты человеческой энергии, т. е. допускается чудо! Но это уже область мистики.

Далее. Допустим, что абстрактный труд «историческая» категория. А конкретный труд? Подразумевается, что если одна противоположность единства носит исторический характер, то другая противоположность, хотите того или нет, носит неисторический характер. Но ведь и такой прием неоригинален. В свое время Маркс указывал на крайнюю ограниченность «тех экономистов, которые изображают производство в качестве вечной истины, тогда как историю они ссылают в сферу распределения»³.

Софизм шестой. Проводится линия дуализма в понимании сущности труда, т. е. говорится о единстве «природной и социальной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 409.

³ Там же. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 33.

сторон труда». К сожалению, этот дуализм имеет широкое хождение как в политико-экономической, так и философской литературе: говорят о «природно-социальной сущности труда», о «биосоциальной сущности человека» и т. д. Однако с таким дуализмом согласиться невозможно. Сущность противоречива, но дуализма сущности нет. Потому что «природное», «физиологическое» в труде и в человеке есть предпосылка, а природную предпосылку нельзя смешивать с социальной сущностью. К тому же «природное», «физиологическое» социализировано в труде (и человеке), т. е. существует в снятом, «очеловеченном» виде. Поэтому труд, человек не есть, с одной стороны, социальное явление, а с другой — нечто иное. Со всех сторон сущность труда, человека социальна. И когда Маркс говорит, что «всякий труд есть... расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле», то он имеет в виду не медведя, а человека, сущность которого социальна со всех сторон.

Итак, абстрактный труд — свойство только товарного производства! Доказательство: К. Маркс в «Капитале» исследует двойственный характер труда товаропроизводителей, а не труда вообще; «при определенных исторических условиях конкретный труд существует без абстрактного труда», «абстрактный труд и физиологические затраты не тождественны»; «абстрактный труд — историческая категория», а конкретный — нет; «конкретный выражает не философское понимание «конкретного», а «специализированный труд»; труд есть природно-социальное единство. Все это подтвердила дискуссия 20-х гг.

Аргументы, что и говорить, убийственны. Впрочем, как в известном рассказе А. П. Чехова «Учитель словесности» подобным образом аргументировали то, что Пушкин является психологом: «Штабс-капитан Полянский стал уверять... что Пушкин в самом деле психолог, и в доказательство привел два стиха из Лермонтова; поручик Гернет сказал, что если бы Пушкин не был психологом, то ему не поставили бы в Москве памятника».

Что же касается дискуссии 20-х гг., на которую ссылаются наши авторы, то следует сказать, что тогда такая дискуссия могла иметь известное основание, ведь в те далекие времена герой гражданской войны мог и не знать, за какой Интернационал он выступает, а командир передового подразделения Красной Армии в донесении старшему начальнику мог писать: «Врангель разгромлен и сброшен в Черное море, но никакого Антанта не обнаружено».

Однако сегодня бессмысленно открывать дискуссию, ибо нет предмета дискуссии. А что есть? Есть незнание «Капитала».

§ 3. Восхождение от абстрактного к конкретному

Теперь посмотрим, как же обстоят дела с методом «Капитала». Его трактуют как угодно. Так, журнал «Политическое самообразование» в 1983 г. опубликовал статью В. Выгодского «О методе экономического исследования К. Маркса». Только абсолютное незнание метода экономического исследования Маркса могло породить эту статью, полностью направленную против этого метода.

1. «В процессе дальнейшей разработки своей экономической теории, — читаем в статье, — К. Маркс последовательно провел различие вещественного содержания и социальной формы для всех исследованных им экономических явлений»¹. Далее: «Так, Маркс говорит о товаре как единстве потребительной стоимости и стоимости. Первая образует вещественное содержание... его стоимости, т. е. его внутренней социальной, или общественной формы»². Итак, потребительная стоимость товара есть его содержание, а стоимость его форма. А ведь у Маркса как раз наоборот.

Действительно, «потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма»³, т. е. материальные блага составляют вещественное содержание богатства любого общества. Но разве здесь говорится, что содержанием товара является потребительная стоимость, а формой — стоимость? Отнюдь нет! Здесь нет анализа товара, нет анализа того, что есть в нем содержание, а что — форма. Между тем в «Капитале» совершенно определено, исключая всякие кривотолки, показано, что содержанием товара является стоимость, а формой — потребительная стоимость. «Первая особенность, — пишет К. Маркс, — бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости»⁴. И далее: стоимость «выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы»⁵. Таких высказываний, где Маркс с абсолютной научной неопровержимостью доказывает, что стоимость не только содержание товара, но и главная, определяющая противоположность в товаре, подчиняющая себе все и вся, в том числе свою форму проявления — потребительную стоимость, можно привести множество. По Марксу, сущность товара есть стоимость. Поэтому он исследует, как закон стоимости неизбежно прокладывает себе путь.

¹ Выгодский В. О методе экономического исследования К. Маркса// Политическое самообразование. 1983. № 3. С. 48.

² Там же. С. 42.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 44.

⁴ Там же. С. 66.

⁵ Там же. С. 165.

Маркс по всему «Капиталу» — от начала до конца — прослеживает, как стоимость прокладывает себе путь, модифицируется, разворачивается, обогащается, конкретизируется. Рассуждениями о том, что потребительная стоимость составляет содержание товара, а стоимость — его форму, перечеркивается все учение Маркса о прибавочной стоимости, поскольку последняя является модификацией самой стоимости в определенных условиях. Получается, что прибавочная стоимость не является главным содержанием экономических отношений буржуазного общества, отношений между трудом и капиталом, и есть лишь момент формы этих отношений. Если содержанием товара является потребительная стоимость, а стоимость — формой, а в их диалектике главная, определяющая категория есть содержание, то выходит, что Маркс исследовал потребительную стоимость. Тем самым Маркса превращают в товароведа, а не в основоположника научной политической экономии.

Но Маркс подчеркивал, что «Капитал» — исходный и конечный пункт его исследования. «Но капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер»¹. Обмен одного товара на другой у Маркса не есть отношение вещей (как у Смита и Рикардо), а есть отношение между людьми, прикрытое «вещной оболочкой», т. е. потребительной стоимостью — вещной оболочкой, или «вещественным носителем стоимости», являющейся сгустком производственных отношений, воплощенным в потребительной стоимости. Потребительная стоимость Марксом не исследуется с точки зрения товароведения, технологии или физических, химических и т. д. ее свойств, ибо сам Маркс предупреждал, что «политическая экономия — не технология»², и потребительная стоимость берется как противоположность стоимости, взаимопревращение которых и есть восхождение, модификация самой стоимости. Это означает, что только благодаря диалектике этого взаимопревращения, стоимость может прокладывать себе путь, подчиняя все и вся.

Следовательно, товар, капитал и все другие экономические явления исследуются Марксом как политико-экономические категории, выражающие объективные капиталистические производственные отношения, а не «вещественное содержание» и «социальную форму».

Что же касается потребительных стоимостей, то они не отрицаются Марксом и, безусловно, имеют свои вещественное содержа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 380.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 712.

ние и форму, являются вещественным содержанием богатства и т. д., но, как показано выше, составляют «предмет особой дисциплины — товароведения». У Маркса же речь идет о товаре как о политико-экономической категории, где потребительная стоимость является «оболочкой», вещественным «носителем», «формой проявления» своего содержания — стоимости.

2. «Процесс создания «Капитала», — читаем далее в той же статье, — можно разделить на два основных этапа. На первом этапе ярче выражено исследование, на втором — научное изложение»¹. Возникает вопрос: как же можно «ярче выражать» нечто без изложения? К чему такое спекулятивное разделение «Капитала» на два этапа? Оказывается, это нужно было вот для чего: «Метод К. Маркса выступает как диалектическое единство способа исследования и способа изложения, являющихся сторонами единого процесса познания»². Такое заявление просто вызывает недоумение, ибо до этого автор приводит цитату из Маркса о том, что «конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования». Сказано ясно, определенно — «с формальной стороны». Это значит, что речь, в сущности, идет об одном и том же диалектическом способе исследования и изложения, отличие только формальное, поскольку изложение очищено от ненужного, случайного материала. Но повторяем: содержание одно и то же, сущность одна и та же. Следовательно, нет двух способов, а есть один, — и исследования, и изложения.

3. Далее. Оказывается, такое разделение нужно было еще и для того, чтобы истолковать по-своему принцип восхождения от абстрактного к конкретному, разработанный и примененный в «Капитале»: «Характерным для процесса исследования является движение от конкретного к абстрактному... в то время как процесс научного изложения представляет собой восхождение от абстрактного к конкретному»³. Это заявление автора не только подчеркивает его ошибочное мнение о разных способах исследования и изложения, но и показывает то, что он не имеет никакого представления ни об «абстрактном», ни о «конкретном», ни о самом принципе восхождения. «Абстрактное» у него отождествляется с научной абстракцией, а «конкретное» с объективным «предметно-конкретным».

А вот как «интерпретирует» метод Маркса П. Н. Федосеев: «нередко утверждается и всячески рекламируется, как венец марксистско-ленинской теории познания, вырванная из контекста произведения Маркса формула «от абстрактного к конкретному»...

¹ Выгодский В. О методе экономического исследования К. Маркса. С. 49.

² Там же. С. 50.

³ Там же.

Эта формула безоговорочно приписывается и Ленину, хотя он говорил как раз обратное»¹.

Поскольку наши авторы не знают, что есть «абстрактное», а что — «конкретное», поясним.

Абстрактное имеет ряд аспектов:

а) абстрактное есть бедное содержанием знание, оно есть момент, сторона конкретного и снимается дальнейшим восхождением;

б) поскольку абстрактное есть бедное содержанием знание, то оно может быть как результатом чувственного этапа познания, так и результатом абстрактного мышления;

в) абстрактное не только идеальное, не только момент, форма познания, но и объективное явление, которое не развито, не богато содержанием, оно возникло, но еще не стало, не обогатилось содержанием. Так, абстрактный труд существует объективно, независимо от познающего субъекта, независимо от того, познал он его или нет. Сведение различных видов труда к общественному, к простой затрате рабочей силы «представляется абстракцией, однако, это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно»²;

г) абстрактное как оторванное от жизни и практики знание, как момент заблуждения;

д) абстрактное как характеристика, сущность мышления.

Что же касается «конкретного», то «конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт...»³

Более того, в познании очень необходимо четко проводить различие «абстрактного» и «конкретного» в формальной логике и диалектической логике. В формальной логике понятие образуется на основе закона обратного отношения объема и содержания, а в диалектической логике, наоборот, на основе прямого отношения объема и содержания, поэтому в первом случае бедное содержанием понятие выдается за конкретное, а конкретное — за бедное.

Говоря о методе «Капитала», надо помнить, что, во-первых, «абстрактное» и «конкретное» Маркс разрабатывает и применяет к исследованию в диалектической интерпретации, а не в формально-логической; во-вторых, он совершенно четко и определенно применяет тот аспект этих категорий, где речь идет о знании, что «абстрактное» есть бедное содержанием знание, а «конкретное» есть синтез абстрактных определений. Иными словами, познание восходит от низшего к высшему, от простого к сложному. Объек-

¹ Федосеев П. Н. Диалектика в современном мире//Вопросы философии. 1986. № 5. С. 17.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 17.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727

тивное «конкретное» с принципом восхождения от абстрактного к конкретному ничего общего не имеет, поскольку оно объективно. Для его познания и применяется принцип восхождения от абстрактного к конкретному. На первом этапе пути познания мы имеем чувственно-конкретное. Это чувственно-конкретное знание есть бедное содержанием знание, т. е. абстрактное знание, восходящее к абстрактному мышлению, которое членит чувственно-конкретное на противоположности, исследует их в чистом виде, вычленяет сущность, прослеживает путь ее модификации (движение стоимости в «Капитале») и синтезирует абстрактные определения, т. е. духовно воспроизводит целое, конкретное таким, каким оно является в действительности.

Недоумение вызывает то обстоятельство, что авторы приводят цитату из Маркса, где он говорит о своем методе. Но, во-первых, Маркс отмечает, что «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»¹. Сказано однозначно — «духовно конкретное». Во-первых, Маркс совершенно ясно указывает, что этот принцип есть принцип научного исследования, есть духовное воспроизведение конкретного, как синтез абстрактных определений. Наши авторы переворачивают этот принцип, уничтожают его, приписывают Марксу собственные домыслы. Маркс нигде, никогда не говорит, что его метод исследования есть движение от конкретного к абстрактному, наоборот, он подчеркивал, что этот метод является ошибочным, что правильным в научном отношении является метод восхождения от абстрактного к конкретному². Это он не только подчеркивает, но и реализует.

Широко распространено мнение о том, что поскольку метод восхождения от абстрактного к конкретному был открыт Гегелем, то, следовательно, этот метод идеалистический, и что «переход от конкретного к абстрактному есть существенная (!) черта метода Маркса» и доказывает его материализм. К сожалению, не учитывается в полной мере другое, а именно: без Гегеля нельзя вполне понять ни данного, ни любого другого принципа диалектики. Выше нами приводились высказывания Маркса, Энгельса, Ленина по этому поводу.

Уничтожение метода восхождения от абстрактного к конкретному П. Н. Федосеев «аргументирует» и ссылкой на цитату В. И. Ленина о том, что «мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит, — если оно *правильное...* от истины, а подходит к ней»³. Но ведь эта цитата еще раз доказывает непо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 727.

² См.: там же. С. 726, 727.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 152.

нимание природы абстрактного и конкретного. Поясним и это.

Прежде всего следует подчеркнуть еще раз, что конкретное, существующее объективно, никакого отношения к познанию не имеет, поскольку оно объективно, т. е. существует независимо от сознания и познания.

Далее на витке спирали познания «конкретное» встречается дважды. На первом этапе, т. е. на этапе живого созерцания предмет воспроизводится в формах ощущений, восприятий как чувственно-конкретное, которое еще не расчленено, не познано. Это абстрактное, то есть бедное, внешнее знание о предмете или кажимость, скажем, знание товара без его анализа. Это есть начало восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному. Далее познание от этого первого этапа восходит ко второму этапу — рассудку. Последний действует разделяющим и абстрагирующим образом, логически членит чувственно-конкретное целое на свои противоположности, как абстрактные определения, исследует их в чистом виде как самостоятельные моменты. Например, товар рассудок расчленяет на потребительную стоимость и стоимость. Но познание на этом не останавливается и восходит к третьему этапу витка — к разуму. Последний синтезирует абстрактные определения, воспроизводит целое, т. е. духовно воспроизводит то конкретное, которое существовало объективно, независимо от познания, но в данном случае оно является уже мысленно-конкретным (товар как единство потребительной стоимости и стоимости). Цитата В. И. Ленина выражает восхождение от чувственно-конкретного к мысленно-конкретному, что полностью совпадает с другой формулой В. И. Ленина: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике».

4. Доказательством незнания метода «Капитала» является и утверждение, будто «Капитал» конкретизировался в работах «Наемный труд и капитал», «Заработная плата, цена и прибыль», «Критика Готской программы», «Анти-Дюринг» и др. Такое заявление неверно. «Капитал», во-первых, есть самое конкретное произведение из всех произведений, созданных Марксом и Энгельсом, главный труд марксизма, поэтому он не конкретизировался в названных трудах, во-вторых, как мог «Капитал» конкретизироваться, скажем, в работе Маркса «Заработная плата, цена и прибыль», которая Марксом написана раньше «Капитала» — 27 июня 1865 г., в то время как первый том «Капитала» вышел в 1867 г.

5. Свое заблуждение наши авторы приписывают и В. И. Ленину. Так, В. Выгодский пишет: «Совершив переход от конкретного к абстрактному в процессе исследования экономики России, В. И. Ленин затем — в полном соответствии с методологией К. Маркса — перешел к дальнейшему развитию теории путем вос-

хождения от абстрактного к конкретному»¹. И здесь обратное движение: сначала исследование идет от конкретного к абстрактному, т. е. от богатого к бедному, от высшего к низшему, а затем — наоборот.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному извращают и с помощью софистически понятого принципа всесторонности рассмотрения. Суть этого софизма состоит в следующем: если одни авторы «придают первостепенное значение методу восхождения от абстрактного к конкретному, другие — от конкретного к абстрактному... то нужно учитывать и то и другое»². Можно, конечно, иметь свою точку зрения на этот вопрос, но ведь речь идет о методе Маркса, который им излагается совершенно четко, определенно и однозначно (см. Т. 12. § 3 «Метод политической экономии»).

Незнание «Капитала» Маркса породило не только эти заблуждения, но и множество других, в том числе и такое, как так называемый четвертый том «Капитала». «Теории прибавочной стоимости» объявили четвертым томом «Капитала». Но это неверно как исторически, так и логически. Исторически — потому, что они созданы, в основном, до «Капитала». Марксу пришлось лишь на достигнутом высшем уровне исследования вносить в них соответствующие изменения. Логически неверно потому, что, во-первых, сам Маркс не включал их в структуру «Капитала»; во-вторых, если второй том является логическим продолжением первого тома, а третий — второго, то четвертый не является продолжением третьего тома; в-третьих, потому, что, разработав и применив диалектику как теорию познания, Маркс логически расчленяет единое капиталистическое производство на свои противоположности — на «процесс производства капитала» (первый том) и на «процесс обращения капитала» (второй том), а затем их синтезирует (третий том), что и есть «процесс капиталистического производства, взятый в целом». Иными словами, Маркс духовно воспроизводит целое, восходит к мысленно-конкретному. Объявление же «Теорий прибавочной стоимости» четвертым томом наносит вред, ибо создает впечатление, что третий том не воспроизводит целое и разрушает логическую структуру «Капитала».

Незнание «Капитала» Маркса есть источник не только вышеприведенных заблуждений, но и неумения применять его методологию для развития политэкономии социализма. Выше говорилось о заблуждении в понимании предмета политэкономии социализма. Этим же источником объясняются заблуждения по таким вопросам, как сущность социалистического производства, структура

¹ Выгодский В. О методе экономического исследования К. Маркса. С. 53.

² Семенов В. С. Федосеев П. Н. Философия и научное познание (Рец.)// Философские науки. 1985. № 1. С. 164.

курса политэкономии социализма, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, исходная абстракция, принцип объективности рассмотрения, основной экономический закон и основное противоречие социализма и т. д. Эти вопросы в высшей степени актуальны для судьбы политэкономии социализма, поэтому следует выразить свое отношение к ним хотя бы вкратце.

Сущностью капиталистического производства является производство прибавочной стоимости, присваиваемой классом капиталистов, сущностью социалистического производства — производство прибавочного продукта, идущего на благо всего общества. Расширенное воспроизводство есть основное и решающее условие развития социализма.

Все это дает основание для вывода о том, что структура политэкономии социализма должна выражать: 1) процесс производства прибавочного продукта; 2) процесс обращения прибавочного продукта и 3) процесс социалистического производства, взятый в целом.

К построению политэкономии социализма необходимо применить метод восхождения от абстрактного к конкретному, также глубочайшим образом разработанный в «Капитале». До сих пор окончательно не решен вопрос об исходной абстракции при построении политэкономии социализма как системы: одни авторы в качестве таковой считают общественную форму собственности на средства производства, другие — непосредственно общественный труд, третьи — плановость, четвертые — коллективность, пятые — социалистический продукт и т. д. По нашему мнению, исходной абстракцией политэкономии социализма является абстракция прибавочного продукта, ибо она выражает сущность предмета в неразвитом виде, основу, на которой развиваются все остальные категории. Это предельная и непосредственная абстракция, «клеточка», которая содержит в себе в неразвитом виде все противоречия предмета и совпадает с тем, что было исторически первым в реальном развитии предмета. От этой абстракции и должна восходить политэкономия социализма. Решения январского, июньского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС, принятые сессией Верховного Совета СССР законы, в особенности о государственном предприятии (объединении) — короче, процесс коренной перестройки всех сфер жизнедеятельности нашего общества является ярким подтверждением этого.

Однако восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному заключает в себе свою противоположность — восхождение от абстрактного к конкретному. Процесс восхождения к конкретному выступает как последовательная модификация, развертывание исходной абстракции. При этом следует строго руководствоваться принципами методологии «Капитала», в особенности принципом

объективности рассмотрения, не подменять данный предмет исследования другим, не уходить от него в сторону, а исследовать его самого, т. е. внешнее, кажущееся не выдавать за сущность.

§ 4. Нет такого экономического закона

К сожалению, это требование не всегда соблюдается авторами, занимающимися изучением основного экономического закона социализма. Одно время экономисты определяли основной экономический закон социализма следующим образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники (это тоже из «Экономических проблем...» Сталина)¹. В последующих изданиях учебника «Политической экономии» эта формулировка несколько изменяется. Авторы выделяют такие характерные черты основного экономического закона социализма, как непрерывное расширение и совершенствование производства на базе передовой техники в целях наиболее полного удовлетворения постоянно растущих потребностей и всестороннего развития всех членов общества. Такую же формулировку приводили все авторы, пишущие об этом законе, как в учебной, так и в специальной научной литературе².

Обращает на себя внимание то, что в некоторых трудах по политэкономии не дается дефиниция основного экономического закона социализма, а лишь говорится, что этот закон «выражает...». Но что из себя представляет сам этот закон, способный выражать нечто, остается неизвестным. И сейчас выдвигаются различные дефиниции основного экономического закона. Так, в учебнике политэкономии под редакцией академика А. М. Румянцева (1980, 1982 гг.) дается такая его формулировка: «Обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества путем непрерывного роста и совершенствования общественного производства»³.

Примерно такую же дефиницию дает и В. Н. Черковец: «Основ-

¹ См.: Основной экономический закон социализма//Политическая экономия. М., 1954.

² См.: Черковец В. Н. Планомерность социалистического производства. М., 1965; Румянцев А. М. Основной экономический закон социализма//Вопросы экономики. 1968. № 10; Кульминов И. И. Очерки политической экономии социализма. М., 1971; Основной экономический закон социализма/Под ред. В. Н. Черковца. М., 1978; Лавров Е. И. Исходная категория и основной экономический закон социализма. М., 1974; и др.

³ Политическая экономия/Под ред. А. М. Румянцева. М., 1982. С. 322. См. также: Программа курса политической экономии для высших учебных заведений. М., 1987.

ной экономический закон социализма — закон социалистического планомерно организованного непосредственно-общественного производства, выражающий необходимость обеспечения роста материального благосостояния и всестороннего развития всех членов общества на основе их объединенного в масштабе общества, освобожденного от эксплуатации, коллективного труда».

Итак, более тридцати пяти лет предлагаются все новые и новые формулировки указанного закона, но суть их остается та же. И если освободить подобные многочисленные формулировки от словесной формы, то останется весьма тривиальное содержание: чтобы жить, надо потреблять, чтобы потреблять, надо производить. Ни «обеспечение полного благосостояния», ни «всестороннее развитие», ни «непрерывный рост» и «совершенствование общественного производства» не могут составлять сущности закона, ибо они сами есть следствие экономических законов социализма, и прежде всего — следствие основного экономического закона.

Методологический просчет состоит в том, что предлагаемые формулировки основного экономического закона социализма выносят его за рамки самого материального производства. Что целью социализма является более полное удовлетворение потребностей — это вне всякого сомнения. И тем не менее цель, план, потребность сами по себе не есть вообще экономический закон, а есть идеальное. Потребность есть «идеальный, внутренне побуждающий мотив производства»¹. Так где же уважаемые авторы открывают этот закон? Оказывается, в отношении между идеальным и материальным, но не в самом материальном. Трудно поймать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

В связи с этим напомним общеизвестную истину: всякое действие человека (независимо от социальных условий), прежде чем быть реализованным в жизни, проходит через его голову в формах цели, плана, желания, стремления, потребности и т. д., которые в конечном итоге обусловлены материальным источником, но являются идеальными. Слов нет, отношение между идеальным и материальным является противоречивым, но так или иначе оно не есть экономический закон, ибо последний есть выражение объективных материальных производственных отношений. Следовательно, экономические законы, а тем более основной, нужно открывать непосредственно внутри их, а не между идеальным и материальным.

То же самое можно сказать об основном противоречии социализма. Его также открывают вне производства. Нельзя согласиться с тем, что это противоречие есть «противоречие между растущими общественными потребностями и достигнутым в каждый данный период уровнем развития общественного производства»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 717.

² Политическая экономия / Под ред. А. М. Румянцев. С. 90.

А. М. Румянцев, исходя из того же недоразумения «вечного опережения потребностей производства», даже требует «дать научное определение понятия разумных потребностей всех членов общества»¹. Допустим, что каким-то чудом удастся дать такое определение. Но если сегодняшние потребности являются «разумными», то завтра производство из своего чрева породит новые, невиданные ранее потребности. Это будет означать, что «разумные» потребности стали «неразумными». С другой стороны, удовлетворенная потребность рождает новые потребности. Мы не против учета. Социализм есть учет, верно. Но ведь учет истинен тогда, когда он адекватно совпадает с предметом учета. А этот предмет есть диалектический процесс. Следовательно, и учет должен быть таким же процессом, т. е. должен быть реальным противоречием. Вот это как раз не учитывается. Поэтому и здесь А. М. Румянцев исходит из той же догмы: «потребности всегда опережают производство, которое всегда отстает от них». Поэтому он хочет дать научное определение таких «разумных» потребностей, которые были «разумными» на все времена жизни общества. Но это вовсе не оригинально. Так, Маркс критиковал (напомним еще раз) тех экономистов, которые одну сторону противоречия рассматривали как процесс, в изменении, а другую как неизменную, постоянную.

Объективно подобные утверждения могут принести только вред, так как они «научно» оправдывают наши любые недостатки и просчеты в экономике². Действительное противоречие между потребностями и производством выражается в его практическом осуществлении, реализации. И для этого нужно разрешить не внешние, а внутренние противоречия в главной и основной сфере социального бытия — в производстве.

Противоречие между потребностями и производством не указывает непосредственно на тенденцию развития общества, не объясняет перехода от одной исторической ступени развития к другой. Основное противоречие то, которое характеризует лицо данного способа производства на данном этапе его развития, определяет собой тенденцию его развития, обуславливает возникновение и разрешение других противоречий. Это есть такое противоречие, разрешение которого приводит к глубинному качественному изменению — переходу от низшей ступени к высшей.

Основным противоречием любой общественной формации, в том числе и коммунистической, является противоречие между формой — производственными отношениями и содержанием способа

¹ Экономическая теория и практика перестройки // Коммунист. 1987. № 7. С. 26.

² Более полная критика основного экономического закона и основного противоречия социализма дана мною в книге «Диалектика социализма». Ростов н/Д, 1971.

производства — производительными силами. Отрицать основное противоречие в способе производства — значит отрицать решающую, основную роль способа производства в жизни общества. К тому же, объявляя противоречие между ростом потребностей и уровнем производства основным противоречием социализма, мы невольно или вольно объявляем противоречие внутри самого способа производства «неосновным», закрывая тем самым дорогу к выявлению и ликвидации действительно глубоких внутренних противоречий материального производства, что не способствует развитию нашего общества.

Таким образом, противоречие внутри способа производства — основное противоречие любой формации, и в этом смысле оно «неизменно». Все это не только не исключает, а напротив, предполагает тот факт, что конкретный характер, реальное содержание основного противоречия не могут оставаться неизменными — они так же историчны, как исторично само материальное производство. Другими словами, в каждой общественно-экономической формации указанное противоречие модифицируется, т. е. проявляется в различных, специфических формах, проходит различные этапы развития. Однако именно оно всегда выступало и выступает как основное противоречие формации. В социалистическом обществе противоречия между содержанием и формой способа производства, разумеется, неантагонистического характера, они выражаются в специфической форме и разрешаются иными средствами, чем при капитализме. Поэтому не должно быть механического сравнения или аналогии этих противоречий с противоречиями буржуазного общества.

Следует подчеркнуть, что в силу своей объективной природы все противоречия социалистического способа производства разрешаются на его собственной основе. В социалистическом способе производства нет и не может быть неразрешимых противоречий. По мере роста производительных сил непрерывно возникают новые противоречия. Поэтому нет основания для того, чтобы то или иное исторически возникшее и исторически преходящее противоречие постоянно считать основным, главным. Напротив, то или иное противоречие является главным, основным не вообще, а лишь на данном этапе, в данных условиях, в данном отношении, это и дает социалистическому и коммунистическому обществу возможность сознательно, планомерно регулировать свою экономическую жизнь, вскрыть и своевременно ликвидировать возникающие конкретные противоречия в способе производства, а не увековечивать их. Объявить же то или иное конкретное противоречие в социалистическом способе производства постоянным основным — значит объявить социалистические производственные отношения косными и неизменными. Несомненно, есть противоречия, которые существуют на

протяжении всей первой фазы коммунистической формации, например, противоречие, связанное с фактическим материальным неравенством членов общества, но оно будет разрешено на второй фазе.

Если основное противоречие капиталистического способа производства является единым и постоянным для всей капиталистической формации и разрешение его означает гибель этой формации, то в социалистическом способе производства нет такого единого, постоянно основного противоречия для всей формации. Именно поэтому разрешение исторически возникающих противоречий ведет не к гибели социализма, а к его развитию, к перерастанию социализма в коммунизм. Для научного познания противоречий недостаточен абстрактный, умозрительный подход, а нужен их конкретный политико-экономический анализ.

Мы не ставили перед собой задачи исследования ни основного экономического закона, ни основного противоречия социализма, а лишь указали на то, какие некоторые выводы можно сделать из применения методологии «Капитала» к постановке и обсуждению наиболее актуальных на сегодняшний день проблем политической экономии социализма.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ

§ 1. Принцип совпадения исторического и логического

Незнание «Капитала» является источником ряда заблуждений в курсе научного коммунизма. Прежде всего подвергается ревизии великий принцип научного исследования — совпадение исторического и логического, — разработанный Марксом в «Капитале». Это выражается в отступлениях от этого принципа в таких вопросах, как роль и место предпосылок в возникновении коммунистической общественно-экономической формации; роль и место переходного периода от капитализма к социализму, в становлении социализма; объективный характер экономических законов социализма; характер противоречий социализма и т. д.

Однако, прежде чем остановиться на данных отступлениях, необходимо раскрыть и четко изложить сущность самого этого принципа, как он разработан Марксом. Тем более это актуально, поскольку в литературе имеет место ложное мнение, будто Маркс в «Капитале» применяет не принцип совпадения исторического и логического, а принцип не совпадения исторического и логического¹.

Логическое и историческое не только различны, но и тождественны. Их тождество состоит в том, что оба метода друг без друга невозможны, немыслимы. Исторический метод содержит в себе и для себя логический метод, а последний также в себе и для себя содержит исторический метод. В противном случае мы имели бы не научные методы, а, с одной стороны, мертвую абстрактную схему вне действительной истории, с другой — хаотическое и бессистемное описание истории без вычленения сущности, что на деле представляет также мертвую абстрактную схему. Определяя логическое как исправленное историческое, в своей рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» Энгельс писал: «Логическое развитие... нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью. Поэтому здесь

¹ См.: В а з ю л и н В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.

и приводятся в большом разнообразии эти примеры как в виде указаний на действительный исторический ход вещей на разных ступенях общественного развития, так и в виде указаний на экономическую литературу, имеющих целью проследить с самого начала процесс выработки ясных определений экономических отношений¹. Кроме того, тождество этих двух методов состоит в принципе их совпадения, взаимопревращения.

Этот принцип впервые был разработан Гегелем, который установил, что, во-первых, индивидуальное сознание на различных его ступенях развития есть не что иное, как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим познанием; во-вторых, логика развитого мышления совпадает с историей формирования этой логики. Логическое разворачивание категорий в логике Гегеля совпадает с историей возникновения категорий. История философии в основных этапах совпадает с историей становления категорий, с историей их выведения друг из друга, их следования друг за другом. Так, Гегель в своей логике категории бытие, сущность, понятие исследует в той последовательности, в какой они возникали в истории философии, которая начинается с категории бытия — абсолютного принципа элеатов. Затем бытие в философии Гераклита развивается в категорию становления. В атомизме Левкиппа и Демокрита становление переходит в категорию единичного. Последнее развивается в сущность у Платона, которая затем переходит у Аристотеля к понятию. Эпикуреизм, стоицизм, скептицизм внесли в развитие логики категорию субъективности. Декарт вносит категорию сознания, которая перерастает у Канта и Фихте в самосознание. У Шеллинга совершается переход к абсолютному знанию. Структура логики Гегеля, таким образом, есть лишь репродукция ее истории. Соотношение структуры науки и ее истории выражено в формуле: «то, что является первым в науке, должно было явить себя первым также и исторически».

Здесь нужно со всей решительностью подчеркнуть следующее. Принцип совпадения логического и исторического хорошо иллюстрируется биогенетическим законом, который является не чем иным, как переводом на язык биологии Ф. Мюллером и Э. Геккелем этого принципа. Разумеется, эти ученые, опираясь на достижения гегелевской диалектики и других наук, внесли большой вклад в биологию, разработав теорию повторяемости в процессе развития. Суть биогенетического закона, как они его кратко сформулировали в середине XIX в., т. е. спустя полвека после открытия Гегелем этого принципа, состоит в следующем: зародышевое развитие является кратким повторением развития филогенетического; онтогенез — это краткое повторение (рекапитуляция) филогенеза.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 499.

Ряд форм, через которые организм проходит в течение своего развития, начиная от яйцевой клетки до взрослой стадии, представляет собой сжатое повторение длинного ряда форм, пройденных его животными предками (т. е. родоначальными формами его вида) с древнейшей эпохи так называемого органического творения и до настоящего времени. Причем это повторение является несравненно быстрым, кратким, неполным.

Из всего этого следует, что действительный приоритет открытия сущности биогенетического закона принадлежит идеалисту Гегелю. Между тем в биологической науке до сих пор этот приоритет по-прежнему приписывают Мюллеру и Геккелю. Не допуская никакой недооценки заслуг этих крупных ученых, сумевших подняться на такую высоту, чтобы понять и применять в биологии это гегелевское открытие, тем не менее, справедливости ради, следует признать факт: приоритет открытия этого закона, в сущности, принадлежит Гегелю, о чем писал Энгельс: «Развитие какого-нибудь понятия или отношения понятий (положительное и отрицательное, причина и действие, субстанция и акциденция) в истории мышления так относится к развитию его в голове отдельного диалектика, как развитие какого-нибудь организма в палеонтологии — к развитию его в эмбриологии (или, лучше сказать, в истории и в отдельном зародыше). Что это так, было открыто по отношению к понятиям впервые Гегелем»¹.

Эту же мысль В. И. Ленин выразил так: «В логике история мысли **должна**, в общем и целом, совпадать с законами мышления»². Развитие понятий в голове отдельного индивида в общем и целом должно повторить развитие понятия в истории познания. Еще раз подчеркиваем: «в общем и целом», ибо познание индивида не повторяет все зигзаги, заблуждения и отступления, имевшие место в истории познания. Оно есть, по сути дела, очищенное от случайностей, обобщенное отражение, которое, как показано выше, проходит те же этапы, что и история познания.

В наиболее развитой форме, всесторонне этот принцип разработан К. Марксом в «Капитале». Маркс впервые установил, что проблема совпадения логического и исторического имеет два аспекта: во-первых, совпадение логического отражения познания предмета с историей самого отражаемого объективного предмета и, во-вторых, совпадение логического отражения предмета с историей его познания.

По поводу второго аспекта заметим следующее. Стадии индивидуального диалектического познания — чувственно-конкретное знание, абстрактное знание, мысленно-конкретное знание — совпадают

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 537.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 298.

в общем и целом с историей развития взглядов на предмет. Первая стадия совпадает со взглядами меркантилистов (Д. Стюарт и др.), которые делают первую попытку анализа капитализма. Они исходят из непосредственного бытия, данного в чувственном созерцании, из товарного обращения, из денег и видят в этом источник прибыли. Вторая стадия совпадает со взглядами физиократов (Ф. Кенэ, А. Тюрго и др.), которые совершают попытку перехода от непосредственного бытия к его сущности и в земледельческом труде видят источник прибыли. А. Смит и Д. Рикардо дают абстрактное исследование сущности, что совпадает с абстрактным знанием в индивидуальном познании. Они создают трудовую теорию стоимости, доказывают, что не только земледельческий труд, а труд как таковой в любой его форме создает стоимость. Третья стадия индивидуального познания — мысленно-конкретное знание — совпадает с «Капиталом», который и есть мысленно-конкретное воспроизведение процесса капиталистического производства как целого.

Что же касается первого аспекта, то на нем следует подробно остановиться. Прежде всего К. Маркс показывает, что капитал, как и любой предмет, возникает не на пустом месте, а из своих предпосылок, какими являются развитые товарно-денежные отношения. Но возникнув из них, построив свое тело из них, капитал сам производит товары и деньги. «Эти предпосылки, которые первоначально выступали в качестве условий становления капитала и поэтому еще не могли вытекать из его деятельности как *капитала*, теперь являются результатами его собственного осуществления, *полагаемой* им действительности, являются *не условиями возникновения капитала, а результатами его бытия*»¹.

Далее, возникший из своих предпосылок, ставший капитал проходит различные этапы и пути своего развития, восхождения, вбирая в себя старые и возникающие в процессе своего исторического развития новые моменты, становясь более конкретным, содержательным и т. д.

То же относится и к познанию. Каждое новое поколение людей усваивает все то, что добыто познанием предшествующих поколений, и вносит свой новый вклад в этот процесс. Качество, количество, масштабы и темпы усвоения уже полученных знаний имеют огромное значение для познания и зависят от конкретных исторических условий. Точно так же всякое научное исследование опирается на историю познания. Это вытекает из того, что каждое открытие в науке есть итог, сумма, вывод истории познания. «Всеобщим трудом является, — писал К. Маркс, — всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 448.

кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»¹. Каждое новое поколение исследователей обязано прежде всего усвоить накопленную в данной области исследования всю сумму знаний, чтобы на их фундаменте дальше развивать познание. Люди, говорил Ф. Энгельс, не нуждаются в том, чтобы каждый отдельный индивид лично испытывал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков.

Итак, как сам предмет, так и его познание, как снежный ком, катится вперед, вбирая в себя все прошлое, все приобретенное, становясь все богаче и конкретнее. Результат содержит в себе начало. Высшее потому является высшим, что содержит в себе богатство низшего. Вместе с тем каждый данный этап в развитии не только содержит в себе в снятом виде богатство предыдущего этапа, но в то же время является предпосылкой своего следующего, высшего этапа. Каждый этап содержит в себе в виде возможности свой высший этап, который, в свою очередь, должен снять в следующем высшем этапе и т. д.

Познание движется, как говорил Гегель, от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит в себе свое начало, и движение последнего обогатило его некоторой новой определенностью. Всеобщее составляет основу, поэтому поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. Понятие в абсолютном методе сохраняется в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя.

Комментируя это гегелевское положение, В. И. Ленин писал: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»². Здесь же замечательно показано совпадение логики и гносеологии.

В связи с тем, что настоящее содержит в себе богатство прошлого, высшее — богатство низшего, необходимо встает вопрос об отношении высшего к низшему, который для судеб науки имеет чрезвычайно важное значение. Маркс сумел дать научное исследо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 116.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 212.

вание капиталистических производственных отношений благодаря тому, что он, разработав и применив к исследованию принцип сопоставления логического и исторического, решил вопрос об отношении к прошлым экономическим учениям. Без этого достигнутого уровня научного исследования просто не было бы. Без правильного решения вопроса об отношении новой теории к прошлым учениям сама новая теория невозможна. Но что означает правильное решение вопроса? Разумеется, не то, что исследователь должен механически заимствовать старые теории, учения, идеи. Но в то же время это не значит, что нужно отвергать их «с порога», так же механически, полностью или частично. Отношение должно выражать диалектическое отрицание, т. е. должно быть научным, творческим: все разумное, истинное, верное удержать, «спасти», сохранить в новой теории, а всю «шелуху», все неистинное и т. д. отбросить, исходя из того принципа, что «„ученики“ хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу»¹. Образцом такого диалектического отношения к прошлому является возникновение марксизма. В. И. Ленин указывал, что учение Маркса есть законный преемник всего того лучшего, что создало человечество в XIX в. в лице немецкой философии, английской политической экономии и французского утопического социализма. Только такой марксистский подход к прошлому дает возможность отбросить заведомо ложные пути исследования, найти правильное решение проблем, которые в свое время не были решены, отвечать на вопросы, выдвинутые ходом развития науки.

История развития духовной культуры показывает, что как только «с порога», механически отвергаются прошлые ее завоевания, ей наносится громадный ущерб, в ее развитии возникают попятные шаги, зигзаги, отступления и отклонения. Как известно, феодализм, отвергнув завоевания духовной культуры рабовладельческой эпохи, в частности античной культуры, более тысячелетия тормозил развитие всей культуры человечества.

Из истории развития философии мы также знаем, что, например, Л. Фейербах, отбросив полностью завоевания немецкой идеалистической философии, в середине XIX в. восстановил «в своих правах» материализм XVII—XVIII вв., т. е. механистический, метафизический материализм, вместо того, чтобы критически использовать идеалистическую диалектику.

И наоборот, благодаря тому, что Маркс и Энгельс осуществили диалектическое отрицание завоеваний прошлой философии вообще, немецкой классической в особенности, они сумели создать высшую форму философского мышления — диалектический материализм, — вобравшую, сохранившую в себе в снятом, переплавленном

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 542.

виде все завоевания истории развития науки, техники, познания вообще, философии в частности. Маркс и Энгельс, Ленин не отвергали прошлое, а исправляли, критически использовали все его завоевания и развили в своей теории.

Суть Марксовой логики исследования состоит в том, чтобы раскрыть внутреннее взаимодействие сторон развитой системы, процесса развитого капитализма, именно развитого капитализма второй половины XIX в., а не капитализма XVII или XVIII, или даже начала XIX в. Но поскольку развитая система содержит в себе свою историю возникновения и становления, поскольку результат содержит в себе предшествующие завоевания в снятом виде, то знание результата, как уже отмечалось выше, является ключом к познанию его реальной истории.

«Буржуазное общество, — пишет Маркс, — есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой еще непреодоленные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имело лишь в виде намека и т. д.»¹.

Научный анализ предмета — ключ к анализу и правильному пониманию его предпосылок, его предыстории. Научное познание сущности предпосылок предмета невозможно без самого предмета. Более того, правильное понимание его развитой, высшей ступени дает ключ к пониманию всей прошлой истории. «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные»². Следовательно, с достигнутой высшей, зрелой ступени предмета лучше видны «зримые» черты его истории.

Логический анализ зрелого капитализма Марксом содержит в себе и его историю даже тогда, когда эта история специально не изучается. Вот почему В. И. Ленин писал, что в «Капитале» дана история капитализма и анализ понятий, резюмирующих ее.

Вместе с тем старая теория, отразившая старое состояние или низшую ступень развития предмета в сравнении с новой теорией,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 731.

² Там же. С. 731—732.

отражающей высшую ступень развития предмета, выглядит одно-сторонне, абстрактно. Потому и она включена в новую теорию как один из ее абстрактных моментов. С другой стороны, чтобы понять старую теорию, новая теория должна быть самокритична, должна осознавать свою историческую ограниченность. «Христианская религия лишь тогда оказалась способной помочь объективному пониманию прежней мифологии, когда ее самокритика была до известной степени готова... Так и буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодального, античного и восточного обществ, когда началась самокритика буржуазного общества. Поскольку буржуазная политическая экономия, не впадая в мифологию, не отождествляла себя начисто с прошедшим, ее критика прежнего, именно феодального общества, с которым ей непосредственно приходилось еще бороться, походила на критику, с которой христианство выступало по отношению к язычеству или протестантизму — по отношению к католицизму»¹.

Понять принцип совпадения логического и исторического возможно только на уровне разума, а не на уровне рассудка или голой эмпирии. В противном случае создается иллюзия относительно того, что логическое и историческое не совпадают, или в одном случае совпадают, а в другом нет. Последовательность логического развертывания категорий в «Капитале» от начала до конца воспроизводит историю товарно-денежных отношений, совпадая с ней. На всем протяжении исследования в анализе товара, затем формы стоимости — простой или случайной, полной или развернутой, всеобщей и денежной — дается глубокое теоретическое отражение исторического развития товарного производства и обращения. Далее логический переход от денег к капиталу является также отражением исторического перехода, о чем сам Маркс писал: «Этот переход есть в то же время и исторический. Допотопной формой капитала является торговый капитал, который всегда развивает деньги. Одновременно происходит возникновение действительного капитала из денег или купеческого капитала, овладевающего производством»².

Логический переход от этого к исследованию способов увеличения прибавочной стоимости — сначала абсолютной прибавочной стоимости и потом относительной, а затем анализ их единства — также совпадает с историческим процессом. Маркс показывает, что обмен по стоимости возможен был лишь на ранней ступени товарного производства. Для обмена же по ценам производства требуется капиталистическая форма товарного производства. Поэтому закон стоимости исследуется раньше цены производства. Незави-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 732.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 259.

симо от подчинения цен и их движения закону стоимости, будет совершенно правильным рассматривать стоимости товаров раньше анализа цен производства.

Однако логическое совпадает с историческим и тогда, когда такие эмпирические категории, как торговый капитал, земельная рента и т. д., возникшие раньше промышленного капитала, исследуются после промышленного капитала. Почему возможна эта и ей подобные логические операции, создающие у некоторых авторов иллюзии нарушения этого принципа?

Сам Маркс следующим образом отвечает на этот вопрос: «В ходе научного анализа в качестве исходного пункта образования общей нормы прибыли принимаются промышленные капиталы и конкуренция между ними, и только позже вносится поправка, дополнение и модификация благодаря посредничеству купеческого капитала. В ходе исторического развития дело обстоит как раз наоборот. Капитал, который сначала определяет цены товаров более или менее по их стоимостям, есть торговый капитал, и та сфера, в которой впервые образуется общая норма прибыли, есть сфера обращения, опосредствующая процесс воспроизводства. Первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала как соответственной части совокупного капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства»¹.

Вот почему «было бы недопустимым и ошибочным брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития»².

Само собой разумеется, что, скажем, земельная рента, существовавшая до и независимо от промышленного капитала, совершенно не та земельная рента, которая существует при промышленном капитале, являясь производным от него, его продуктом, его моментом. Торговый капитал, купеческий капитал, торговая прибыль и т. д., возникшие исторически раньше промышленного капитала и независимо от него, абсолютно не те, что при нем, ибо они из состояния его предпосылок превратились в подчиненные ему

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 314—315.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 734.

продукты. И эти продукты нужно выводить, объяснять из промышленного капитала, а не наоборот. Здесь логическая последовательность развития этих категорий соответствует той исторической последовательности, в которой осуществилась эволюция самого промышленного капитала (а не чего бы то ни было другого) в его внутренне необходимой последовательности его моментов, поскольку «каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств. Это — общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всего сущего, что в нем обнаруживается»¹. Поэтому «капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт, и его следует разобрать раньше земельной собственности»².

Следовательно, логическая последовательность рассмотрения торговой прибыли, земельной ренты и т. д. после промышленного капитала как раз и выражает принцип совпадения логического и исторического, а не наоборот, как думают некоторые авторы, ибо речь идет не о том положении, которое исторически занимают экономические отношения в различных, следующих одна за другой общественных формах. Речь идет о расчленении внутри современного буржуазного общества.

В связи с этим может возникнуть вопрос: если капитал есть исходный и конечный пункт исследования, то почему анализ начинается с товара? Существует даже мнение, согласно которому Маркс в начале первого тома «Капитала» исходит не из простого товарного производства, являющегося исторической предпосылкой капитала, чтобы затем перейти к капиталу, а из самого капитала. По поводу этого следует заметить, что действительно предметом исследования является капитал. Тем не менее, исследование начинается с анализа товара, капиталистически не модифицированного, но являющегося «клеточкой» буржуазного общества, поскольку общие характеристики товарного производства вообще, исследованные здесь, имманентно присущи и капиталистическому товарному производству. Весь Отдел первый первого тома «Капитала» «Товар и деньги» является анализом предпосылок капитала, именно предпосылок и не больше. Как известно, включением предпосылок капитала в историю капитала занимались буржуазные экономисты, которые «во всех общественных формах видели формы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 733.

² Там же. С. 733—734.

буржуазные». Те авторы, которые этот первый отдел включают в историю капитала подобно буржуазным экономистам, хотя они того или нет, смешивают предпосылки капитала с самим капиталом. Достаточно взглянуть в этот Отдел первый, чтобы убедиться: разве в середине XIX в. при развитом капитализме господствуют простая или полная формы стоимости?

Что же касается того, зачем Марксу нужно было рассматривать докапиталистические формы, тем более, что предметом его исследования был развитый капитализм, то на это можно ответить так: это было вызвано интересами самого исследования капитала. Марксу нужно было критически и творчески преодолеть историческую ограниченность теорий Смита и Рикардо. Эта ограниченность состояла в том, что они не дали научного анализа ни двойственности труда, ни источника стоимости, ни ее форм, ни тайны происхождения денег и т. д. Маркс впервые дает анализ двойственности труда, доказывает, что субстанцией стоимости является не труд, а абстрактный труд. Этот пункт он считал отправным, от которого зависит понимание политической экономии.

Вместе с тем, Маркс в Отделе первом исследует категории, последовательность которых воспроизводит их последовательность в истории, исследуя формы стоимости, вскрывает тайну возникновения денег и т. д., дает научный ответ на вопрос, как и в каких условиях товарно-денежные отношения могли превратиться в капиталистические.

Но разве этот анализ в какой-либо форме ставит под сомнение истинность предмета исследования в «Капитале»? Отнюдь нет! Напротив, предмет подчиняет себе этот анализ, без чего его исследование было бы неполным и несовершенным, если не сказать больше. Разумеется, если бы, скажем, до Маркса этот научный анализ был бы продлан кем-нибудь на том уровне, на котором это сделал Маркс, то он не задерживался бы на нем и, опираясь на него, начал бы свое исследование непосредственно с превращения денег в капитал, т. е. с анализа собственно капитала.

Важнейшим выводом из разработанного К. Марксом принципа совпадения логического и исторического является установление тенденции развития исследуемого предмета, научное предвидение.

Специальный параграф 24 главы I тома «Капитала» посвящен исторической тенденции капиталистического накопления, где говорится: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹. Следова-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 772—773.

тельно, все исследование капитализма в «Капитале» содержит в себе отражение объективной тенденции развития капитализма, вывод о его неизбежной гибели.

Развивая и конкретизируя этот принцип на основе обобщения практики революционного движения в эпоху империализма, В. И. Ленин с исключительной силой подчеркивал все величие принципа конкретного историзма, конкретности мышления для победы освободительного движения рабочего класса. «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

В. И. Ленин неоднократно возвращался к этому вопросу, конкретизируя, развивая, обогащая этот принцип. Он подчеркивал, что необходимо уметь применять этот принцип в научном познании самых сложных явлений, не допуская его нарушений, не допуская никаких отклонений от него. Он отмечал, что критерий оценки общественных явлений марксисты видят совсем не в абстрактных схемах, а в верности и соответствии ее с действительностью. «Весь дух марксизма, — писал он, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»². Всякое общее историческое соображение, применимое к отдельному случаю без тщательного разбора условий именно данного случая, становится фразой! В. И. Ленин также указывал, что последовательными марксистами являются не те, кто выступает против развития теории марксизма, а те, кто развивает основные положения марксизма сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран. Этот творческий характер марксизма есть его жизненность и действительность.

В борьбе против экономистов, легальных марксистов, меньшевиков, эсеров, оппортунистов, «правых» и «левых» в рабочем движении В. И. Ленин противопоставлял их абстрактному методу метод конкретного мышления, принцип марксистского историзма. Так, например, корень ошибки Бухарина, не понимавшего роли профсоюзов и их места в системе диктатуры пролетариата, заключался в том, что у него, как отмечал В. И. Ленин, не было и «тени попытки» проанализировать как всю историю данного вопроса, так

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.

и весь подход к вопросу, всю его постановку «в данное время, при данных конкретных обстоятельствах». Бухарин¹ же к вопросу о роли профсоюзов «подходит без малейшего конкретного изучения, с голыми абстракциями и берет кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это и есть эклектицизм. <...> Чтобы поставить этот вопрос правильно, надо от пустых абстракций перейти к конкретному, т. е. данному, спору»², рассматривая этот вопрос в определенных конкретно-исторических условиях. Только тогда мы сможем понять подлинную сущность профсоюзов, которые не есть с одной стороны, школа, с другой — нечто иное, с третьей — еще что-нибудь и т. п. Профсоюзы суть школа, школа объединения, школа хозяйничания, школа управления, школа коммунизма.

§ 2. Аспекты возникновения

Категория возникновения имеет три аспекта: 1) предпосылки; 2) начало; 3) становление.

1. Предпосылки социализма. Важнейшим элементом конкретно-исторического подхода, как отмечал В. И. Ленин, является выяснение того, «как известное явление в истории возникло», т. е. рассмотрение генезиса изучаемого предмета, его происхождения.

Каждое новое явление в природе, обществе и мышлении не начинается на пустом месте, не развивается из ничего, а всегда возникает на основе определенных предпосылок. Последние представляют собой единичные вещи, явления, процессы, — вообще тот «разбросанный материал, ожидающий и требующий своего применения», из которого, как из своей основы, возникает данный конкретный предмет. Предпосылки явления существуют до него и независимо от него, предшествуют ему. Они не вытекают из его внутренней сущности, ибо образуются в недрах предшествующего ему явления. Они находятся вне того пункта, с которого начинается действительное развитие предмета, его настоящая история.

Полное и глубокое понимание предмета невозможно как без знания его высшего, развитого состояния, так и без знания предпосылок, предыстории этого предмета. Без этой предыстории существование любого явления представляется чудом и, следовательно, там, где обрывается нить происхождения, познание попадает в тупик. Мышление должно четко установить связь истории предмета с его предысторией, теперешнего состояния предмета с предшествующим его состоянием, удержать содержание предпосылок в их результате. Любое явление, любой процесс возникает, начинается

¹ Хотя Бухарин, по оценке В. И. Ленина, был крупнейшим теоретиком партии и считался любимцем всей партии, он не понимал вполне диалектики.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 291—292.

только тогда, когда имеются налицо полностью все его предпосылки, все необходимые условия его возникновения.

Классики марксизма доказали теоретически, а опыт Советского Союза и других социалистических стран подтвердил практически, что коммунистическая формация, как качественно новая по сравнению с предыдущими формами общества, также возникает из своих определенных предпосылок — материальных, социально-политических и идеологических, которые создаются внутри предшествующего ей общества — капитализма. Социализм — это первая фаза единой коммунистической формации, которая *«происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом»*¹.

В отличие от всех предшествующих формаций, которые возникли и развивались стихийно, коммунистическое общество с самого начала создается, строится сознательно. «Коммунизм, — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов»².

В вопросе о роли и месте предпосылок в возникновении коммунистической формации, несмотря на абсолютно ясные и четкие положения классиков марксизма об этом, имеют место разного рода кривотолки.

Среди весьма разнообразных и многочисленных условий возникновения социализма не все из них имеют равное значение и играют одинаковую роль в его возникновении. Предпосылки одной из этих групп непосредственно употребляются в качестве «строительного материала» для социализма и, следовательно, входят в его содержание. В нашей стране, в частности, такими предпосылками, которые затем в измененном и преобразованном (снятом) виде вошли в его состав, явились: обобществление труда, концентрация производства и населения, наличие развитого, достаточно сильного, политически активного рабочего класса, руководимого марксистской партией и вооруженного передовой революционной теорией, наличие союзников пролетариата и т. д. После возникновения социализма его предпосылки стали взаимодействующими сторонами социализма как целого, как системы, моментами его движения, элементами его структуры.

Предпосылки другой группы только содействуют, способствуют

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 85.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 70—71.

возникновению социализма, не входя непосредственно в его содержание (например, резкое ослабление сил международного империализма в результате мировой войны), или тормозят, препятствуют этому возникновению и даже делают возникновение социализма на данном историческом этапе невозможным (например, наличие сильного военно-бюрократического аппарата в той или иной стране).

Возникшее явление не только воспроизводит в расширяющихся масштабах свои необходимые предпосылки, но и в процессе саморазвития одновременно вырабатывает условия своей гибели, которые в то же время являются условиями возникновения другого, следующего за ним по линии восхождения явления. В. И. Ленин и отмечал, что «капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя»¹, т. е. социализма.

Однако все еще существуют разного рода точки зрения, отрицающие роль предпосылок в возникновении социализма.

В связи с этим напомним, что в истории познания отрицание роли предпосылок в возникновении нового явления далеко не редкость. Так, всякие мистико-религиозные учения о возникновении жизни, в том числе и человека, основаны на полном отрицании роли предпосылок. Креационисты, например, всякое возникновение объясняли актом «божественного творения». Биологи-креационисты Линней, Кювье, Агассис и др. доказывали, что все виды растений и животных созданы внезапным актом «божественного творения». Были и такие креационисты, которые договаривались до того, что и новых человеческих организмов не возникает, ибо все они в готовом виде в количестве 350 млрд. содержатся в яичниках Евы².

Подобной такой мистикой отдают рассуждения вроде того, будто социализм не возникает в недрах старого общества. Эта мистика выражается в разных формах. Так, широко распространено мнение, согласно которому, если капитализм возникает в недрах феодализма, то социализм не возникает в недрах предыдущего строя — капитализма: «в отличие от всех других социально-экономических формаций, которые вызревали в недрах предыдущей, социалистическая формация не возникает в недрах капитализма»³. Согласно этой точке зрения буржуазная революция заканчивается захватом власти, а пролетарская революция начинается с захвата власти.

Однако, во-первых, если буржуазная социальная революция заканчивается захватом власти, то она беспредметна, зачем она? А ведь наши авторы не могут не знать, что в истории такой рево-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 65—66.

² Критику этой мистики см.: Геккель Э. Мировые загадки. 1899.

³ Научный коммунизм/Под ред. А. М. Румянцева. М., 1975. С. 262.

люции не было и не может быть! Верно, буржуазные идеологи дворцовый переворот называют революцией. Но марксист не может отождествлять дворцовый переворот с социальной революцией.

Во-вторых, буржуазная социальная революция призвана создать общество по образу и подобию буржуазии во всех его сферах. Поэтому она никогда, нигде не завершалась захватом власти. Только опираясь на свою власть, буржуазия могла создавать такое общество.

В-третьих, если социализм не возникает в недрах предыдущего общества, то остается одно: он обрушивается с неба.

Есть и такие авторы, одни из которых утверждают, что «социалистическая экономика не рождается в недрах капиталистического строя»¹, а другие, — что «в недрах капитализма складываются только материальные предпосылки новой высшей формации»².

Оставим в покое авторов того и другого недоразумения за то, что они не нашли между собой общего языка, а спросим авторов философской энциклопедии: неужели им неизвестно, что кроме «только материальных предпосылок» в недрах капитализма складывается множество других — политических, профсоюзных, нравственных, эстетических, идеологических, научных и т. д. Неужели они не знают, что, скажем, марксизм как научная предпосылка социализма возник в середине XIX в. в недрах капитализма, а такая мощная политическая предпосылка, как большевистская партия, тоже возникла до социализма — в 1903 г., также в недрах капитализма.

Неужели нашим марксистским авторам неизвестно и абсолютно четкое и определенное заявление Маркса: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»³.

Разумеется, сами эти предпосылки в разных условиях могут быть разного характера, разной степени зрелости, качества, количества и т. д. Поэтому очень важно, во-первых, иметь всесторонний объективный учет предпосылок и, во-вторых, их научное диалектико-материалистическое понимание, что имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение для правильного решения такого вопроса, как возникновение социализма.

С другой стороны, догматический подход к роли предпосылок

¹ Научный коммунизм/Под ред. П. Н. Федосеева. М., 1984. С. 169.

² Философская энциклопедия. Т. 3. С. 11; Т. 5. С. 71 и т. д.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 18.

является таким же антинаучным актом, как и ее отрицание. Как известно, одной из предпосылок, которая весьма существенно способствовала победе Октябрьской революции, было ослабление позиций Российского и мирового империализма, вызванное первой мировой войной. «Диалектика истории именно такова, — писал В. И. Ленин в самый канун социалистической революции в России, — что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму»¹. Это обстоятельство позволило рабочему классу нашей страны (которая была наиболее слабым звеном в цепи международного империализма), руководимому ленинской партией и выступавшему в союзе с крестьянством, свергнуть вооруженным путем власть буржуазии, установить свою диктатуру и начать строительство социализма.

Истинные марксисты-ленинцы никогда и нигде не заявляли о том, что и другие страны придут к социализму только в связи с мировой войной и только путем вооруженного восстания. А современные догматики не желают видеть тех изменений, которые произошли в мире, и, подменяя конкретно-исторический анализ заученной фразой, продолжают упорно твердить, что доведение до полной победы мировой революции возможно путем «революционной» войны, переход к социализму возможен только вооруженным путем, «винтовка рождает власть» и т. д. Разоблачая подобные взгляды, В. И. Ленин писал: «Софизм этих рассуждений состоит в том, что совершают подмен, ставя прежнюю, давно минувшую, историческую эпоху на место настоящей»².

«Логическим» основанием утверждений подобных «развивателей» марксизма как раз и является абстрактное отождествление условий первоначального возникновения социализма (когда его еще нигде не было) с условием возникновения его в какой-либо данной стране, когда в других (одной или нескольких) странах он уже существует. Выступая против указанного отождествления, мы, разумеется, не исключаем того, что существуют общие черты и закономерности возникновения социализма, которые повторяются во всех без исключения странах.

Предпосылки первоначального возникновения социализма уже устранены, «сняты в его бытии» и принадлежат к предыстории социализма, а не к его истории (начало которой положила Октябрьская революция). Но отнюдь не все из них (например, мировая война) являются обязательными для его возникновения в других

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 193.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 184.

странах (и это доказал опыт стран, перешедших к социализму в условиях мирного сосуществования).

Однако во втором случае имеются такие предпосылки, которых не было и объективно не могло быть при первоначальном возникновении социализма. В современную эпоху важнейшей благоприятной предпосылкой осуществления социалистической революции и возникновения социализма является существование могучего социалистического содружества. Народы социалистических государств способствуют возникновению социализма в других странах, разумеется, не тем, что экспортируют его туда, а тем, что демонстрируют всему миру преимущества социалистической системы и оказывают добившимся национальной независимости странам огромную моральную и материальную помощь.

Другая крайность в понимании роли предпосылок возникновения социализма состоит в ее абсолютизации, в отождествлении истории предпосылок с историей самого социализма, что на деле ведет к отрицанию необходимости социалистической революции.

Отрицание исторической необходимости социалистической революции и установления диктатуры пролетариата как начала социализма достигалось и достигается теперь буржуазными социологами и ревизионистами с помощью того, что те или иные отдельные моменты элементы, «кусочки» социализма, возникающие в недрах предшествующих ему формаций, выдаются за весь социализм в целом, история и законы предпосылок социализма смешиваются с историей и законами самого социализма, образование предпосылок социализма принимается за развитие самого социализма. «Диалектический процесс развития, — подчеркивал В. И. Ленин, — действительно всовывает еще в пределах капитализма элементы нового общества, и материальные и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом *целое*, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопанием»¹, которые ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала.

Наиболее яркими образцами этой формы искажения диалектики возникновения социализма являются в настоящее время теории «народного капитализма», «нового общества», «планового капитализма», «общества изобилия», «благоденствия», «коллективного капитализма», «постиндустриального общества» и т. п. В этих теориях буржуазные социологи и теоретики социал-демократии проповедуют идеи перехода капитализма в социализм без социалистической революции и диктатуры пролетариата, на основе постепенного преобразования, «трансформации» капиталистического

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 370.

строю в его собственных рамках. Отдельные предпосылки социализма, выросшие в недрах буржуазного общества (ограничение частного капитала и эксплуатации, передача части средств производства под государственный контроль и управление, частичное планирование экономики и т. д.) выдаются ими за готовый уклад социализма. Лидеры правых социалистов утверждают, что якобы происходит «мирное вращение» капитализма в социализм. Они «доказывают» это тем, что во время пребывания у власти лейбористов в Англии, социал-демократов в Швеции эти страны строят социализм. Если одни реформисты считают, что лидеры социал-демократии только «пытаются одновременно следовать капиталистическим и социалистическим принципам», то другие полагают, что нынешнее государство уже отвечает интересам всего общества, и поэтому цель социал-демократической политики должна заключаться в том, чтобы окончательно «вывести его за классовые границы».

Одним из новейших изобретений современных буржуазных реформистских идеологов является «теория конвергенции», которую они разработали, «опираясь» на материал экономических перестроек, прошедших в СССР и в некоторых других социалистических странах. Буржуазные «специалисты» и «знатоки» социалистической экономики (такие, например, как Дж. Гэлбрейт, Я. Тинберген, З. Бжезинский и др.) считают, что поскольку в ряде социалистических стран «все больше и больше говорят о стимулах и прибылях», то социализм с экономической точки зрения менее эффективен, чем западная система частной инициативы. Это, якобы, означает, что социализм в этих странах уже изжил себя, исчерпал все свои возможности, и, чтобы спасти себя, он должен перейти в ... капитализм.

И об этом, по их мнению, свидетельствует тот факт, что суть новых мероприятий по совершенствованию социалистической экономики сводится к тому, чтобы резко повысить прибыльность предприятий. А так как и целью капитализма является получение максимально высокой прибыли, то, с их точки зрения, со временем никаких принципиальных различий между социализмом и капитализмом не будет, так как социализм «деградирует» в капитализм, а капитализм «прогрессирует» в социализм. Когда же эти противоположно направленные движения сойдутся, тогда и возникнет «процветающее» общество, для достижения которого, следовательно, не нужно больше совершать социалистических революций.

Гносеологической основой этих софистических утверждений служит игнорирование под видом внешнего подобия специфики качественного своеобразия и значения части, элемента в различных условиях, так как очевидно, что одно и то же явление (прибыль) в различных условиях (при наличии частной и общественной соб-

ственности), в различных системах (капитализма или социализма) имеет различное значение, играет различную роль в развитии.

При капитализме прибыль идет в карман собственников, капиталистов и ведет к их личному обогащению. При социализме, где никто не может приобрести средства производства для эксплуатации других, прибыль остается в распоряжении народа и используется для дальнейшего развития экономики и повышения жизненного уровня трудящихся.

«Теория конвергенции» тесно «стыкуется» с не менее «популярными» теориями «рыночного» социализма и «постиндустриального общества».

Авторы теории «рыночного социализма» (Э. Мендель, П. Кенде и др.), чрезвычайно упрощая и вульгаризируя сущность системы планирования в условиях социалистической экономики, пытаются доказать, что эта система не может обеспечить правильной экономической оценки направлений хозяйственного развития в быстро меняющихся условиях, характерных для современного этапа научно-технической революции. Чтобы исправить этот недостаток «командной» экономики, и предлагается модель «рыночного социализма», поскольку «в известном смысле это экономика выбора». По мнению сторонников рассматриваемой теории, реализация хозяйственной реформы должна привести к ситуации, когда «план исчезает и его место займет рынок» — этот «жизненный эликсир» в одномерной, бесцветной, лишенной многогранности схеме планирования, который изображается как основной регулятор экономического развития.

И сегодня, когда КПСС осуществляет в нашей стране коренную перестройку всех сфер общества, и прежде всего в экономике, ревизионистская и буржуазная пропаганда с новой силой открыто клеветает на перестройку, выдавая ее за «отход от социализма», за «подход к капитализму» и т. д.

Пытаясь найти опору для стабилизации капитализма, его апологеты обращаются к теории «новой стадии» развития общества с ее многочисленными вариантами (Д. Белл эту стадию называет «постиндустриальной», Д. Гэлбрейт — «новым индустриальным государством», З. Бжезинский — «технократической», Д. Лихтейм — «постбуржуазной», К. Керр — «многомерной», Р. Дарендорф — «посткапиталистической» и т. п.). Марксизм, утверждают сторонники этой теории, возможно и был пригоден для анализа общества прошедших времен, но как теория «нового общества» он оказался якобы «недостаточно основательным». В современный период капитализм и социализм — это лишь разные формы (или варианты) социальных отношений в индустриальном обществе, главные тенденции их развития в конечном счете совпадают. Так, например, А. Турен пишет, что формируется общество нового ти-

па. Его можно назвать постиндустриальным, чтобы подчеркнуть отличие от предшествовавших ему индустриальных обществ, хотя и в капиталистических, и в социалистических странах сохраняются некоторые черты прежних общественных систем. По характеру господствующей власти это общество также можно назвать технократическим, либо же по природе производственных методов и экономической организации — программированным. В этом обществе, продолжает он, экономический рост достигается в результате действия целого комплекса социальных факторов, а не только накопления капитала.

Несмотря на то, что очевидным объективным процессом современности является процесс перехода от капитализма к социализму, тем не менее современная буржуазная апологетика с еще большим упорством, чем раньше, отвергает принцип конкретного историзма, из которого вытекает вывод о неизбежности гибели капитализма. Чем более лагерь империализма нынче теряет почву из-под ног, тем яростнее выступает эта апологетика. Еще К. Маркс в свое время писал: «...пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»¹.

Современная буржуазная философия и социология не только отрицают принцип марксистского историзма, но и возможность познания закономерностей развития общества вообще, а уж тем более закономерности гибели капитализма. Абстрактный подход современных буржуазных теоретиков и ревизионистов к вопросу о происхождении социализма не дает никакого определенного конкретного понимания возникновения социализма как системы, как целого, так как социализм растворяется во множестве своих предпосылок, и вопрос о его начале остается открытым.

Вместе с тем сама жизнь, практика опровергают апологетику капитализма. Так опровергнут один из главных мифов, созданных реформистами и буржуазными идеологами о том, будто капитализм наших дней способен избавиться от кризисов. Нестабильность капитализма становится все более очевидной. Обещания «оздоровить» капитализм и создать в его рамках «общество всеобщего благоденствия» потерпели очевидный провал.

Если ревизионизм отождествляет предпосылки социализма с самим социализмом, то догматизм, наоборот, недооценивает или вовсе отрицает роль условий возникновения социализма. Как уже

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 17.

подчеркивалось, возникновение социализма невозможно без соответствующих экономических, социально-политических и идеологических предпосылок. Поэтому одинаково неверно отождествлять эти группы предпосылок, а также преувеличивать или преуменьшать значение какой-либо из этих групп. Эксплуататорские классы нельзя свергнуть в любой момент, назначенный вождями, игнорируя наличие объективных материальных предпосылок. «Никакое восстание не создаст социализма, — подчеркивал В. И. Ленин, — если он не созрел экономически»¹.

Вместе с тем В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что материальных предпосылок, необходимых для проявления социализма, еще недостаточно для того, чтобы вызвать революционный переворот. Его возникновение предполагает наличие и определенный уровень зрелости субъективных предпосылок, в частности, таких, как сознательность, и организованность масс, готовность их к борьбе за новый строй, сплоченность вокруг опытного революционного авангарда, наличие вождей и т. д. Нельзя, конечно, думать, что эти предпосылки созреют самопроизвольно, но вместе с тем нельзя и «заставить» их созреть волевым порядком.

Однако метафизически мыслящие догматики, не понимая того, что никакое явление не может возникнуть без соответствующей подготовки, если не отвергают отмеченных предпосылок, то по крайней мере принижают их роль и значение. Вместо тяжелой, кропотливой и повседневной работы по созданию предпосылок для перехода к высшим состояниям общества они занимаются словесным жонглированием ультрареволюционными лозунгами. Субъективное стремление произвольно «сделать» революцию и работа партии по созданию политической армии революции — понятия весьма различные.

В. И. Ленин беспощадно критиковал как фаталистические правооппортунистические теории автоматического крушения капитализма, так и волюнтаристические, авантюристические взгляды «левых», готовых «подталкивать» революцию в убеждении, что ее успех зависит лишь от революционности одного авангарда. В равной мере научно несостоятельны обе крайности: абсолютизация роли объективных материальных предпосылок социализма (экономический детерминизм), и абсолютизация роли его субъективных предпосылок (волюнтаризм). Только тщательный учет и трезвая оценка всех без исключения предпосылок нового общества (а не абсолютизация одних из них в ущерб другим) могут обеспечить победу революционным силам.

Современный догматизм, не рискуя отстать от жизни, пытается рассматривать общественные явления «исторически», но под видом

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 193.

«исторического» рассмотрения опять-таки протаскивает софистику и эклектику. Суть его утверждений сводится к тому, что только раньше для победы социалистической революции и возникновения социализма было необходимо наличие пролетариата, его союзников, революционной партии и т. д. И ссылаются при этом на опыт стран, сбросивших колониальное иго, получивших национальную независимость и избравших социалистическую ориентацию (Алжир, Сирия, и др.), т. е. ставших на путь некапиталистического развития в направлении социализма.

Но, во-первых, большинство этих стран осуществляет движение к социализму не из капитализма непосредственно, а из более древних формаций (в том числе из первобытно-общинной), а во-вторых, не все то, что декларируется как строительство социализма, в действительности является таковым.

Переход к социализму осуществляется при наличии материальных, социальных и других предпосылок, которые обычно созревают на капиталистической стадии развития, а потому в развитых странах капитализма возможен непосредственный переход к социализму. Иначе обстоит дело в добуржуазных странах, которыми являются большинство молодых суверенных государств. Здесь этих предпосылок или вообще нет, или они находятся в зародышевом состоянии, поэтому для перехода этих стран к социализму необходим определенный период подготовки, в процессе которого создаются и созревают эти предпосылки. Этот период, в течение которого совершается подход к решительным социалистическим преобразованиям, составляет неперемнную черту некапиталистического пути развития.

Некапиталистический путь — это такой этап социально-экономического развития освободившихся стран, на котором некапиталистическими методами создаются необходимые предпосылки для построения социализма (например, широкое распространение в этих странах получают планирование и прогнозирование, происходит концентрация крупной собственности в руках государства и создается все более эффективное государственное хозяйство и т. д.). Некапиталистический и социалистический пути едины по цели, по общему направлению социально-экономического развития. Однако некапиталистический путь, особенно у его истоков, не совпадает даже с началом социалистического строительства, ибо он представляет собой еще досоциалистический общедемократический этап революционного процесса.

Отсутствие диалектического взгляда на исторический процесс приводит буржуазных и других теоретиков к представлению, что некапиталистический путь развития является особой формацией, чем-то средним между капитализмом и социализмом. Но это представление антинаучно, так как не соответствует реальной жизни.

Некапиталистический путь есть альтернатива капитализму. Ни по своей классовой природе, ни по своему направлению он исторически и логически не противоречит диктатуре пролетариата, так как в конечном счете приводит к формированию рабочего класса там, где его нет или где он еще слаб.

Необходимо подчеркнуть, что некапиталистический путь развития исторически был бы невозможен, если бы сначала в одной стране, а впоследствии в целом ряде стран не победила социалистическая революция. Для выхода того или иного народа на некапиталистический путь развития теперь, в условиях уже происходящего всемирного перехода человечества к социализму, нет нужды ожидать, пока стихийное развитие капитализма в рамках каждой данной страны создаст зрелое капиталистическое общество со всеми объективными и субъективными предпосылками, необходимыми для установления власти рабочего класса и перехода к социализму.

Таким образом, игнорирование основных требований диалектической логики, извращение принципа историзма, подмена диалектики софистикой и эклектицизмом не позволяют современным буржуазным апологетам правильно решить такой важный и коренной вопрос в жизни современного человечества, как вопрос о начале, возникновении социализма. Их рассудочное, метафизическое мышление, не выходящее обычно за пределы формальной логики, не дает возможности строго объективно, четко и определенно установить тот пункт, ту грань, с которой начинается действительная история социализма.

Процесс, который начался в 1917 г., неумолимо будет развертываться и вширь и вглубь до тех пор, пока полностью, во всех отношениях не исчезнет капитализм, что явится полным претворением в жизнь научного предвидения о неизбежной гибели капитализма.

2. *Начало социализма.* Неопровержимо доказывая, что социализм возникает только на основе тех предпосылок, которые создаются в недрах предшествующих ему форм общественного развития, В. И. Ленин вместе с тем со всей определенностью подчеркивал, что предпосылки социализма, как бы много их ни было и какими бы зрелыми они ни были, еще не есть сам социализм, а только его предыстория, его «преддверие», его «пролог». При этом, с точки зрения В. И. Ленина, подлинно научное конкретно-историческое понимание предмета исследования может быть достигнуто только тогда, когда будет верно решен вопрос об отношении этого предмета к своим предпосылкам и правильно определено его начало — исходная точка развития предмета, тот пункт, с которого начинается его действительная история.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 72.

Таким началом по отношению к социализму В. И. Ленин считал диктатуру пролетариата. «...Социализм, — подчеркивал он, — не осуществим иначе как *через* диктатуру пролетариата»¹, которая представляет собой подлинное начало социализма, грань, отделяющую его от капитализма или более древних общественных форм, тот пункт, с которого начинается его действительная история, т. е. где социализм из «зачатков» превращается в целое, в систему. Установление диктатуры пролетариата означает разрешение противоречия между новыми, развившимися производительными силами и старыми, отжившими производственными отношениями.

Таким образом, самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата»¹. Непонимание, игнорирование этого важнейшего ленинского положения лежит в основе многочисленных искажений марксизма. Социал-демократы, в особенности стран Западной Европы, обманывая рабочих, говорят о бурном процессе строительства социализма уже сейчас в их капиталистических странах, о процентах этого строительства и т. д.

3. *Становление. Переходный период от капитализма к социализму.* Другим важным элементом конкретного историзма является, с точки зрения В. И. Ленина, выяснение того, какие главные этапы в своем развитии явление проходило. Поскольку диалектико-материалистический историзм есть конкретный историзм, то он требует рассуждать не об истории «вообще», а о конкретной истории конкретного объекта и понимать развитие предмета не как плавный постепенный процесс, а как ряд сменяющих друг друга качественно своеобразных ступеней, для каждой из которых существуют свои конкретно-исторические условия и свои закономерности. И хотя эти ступени не отделяются друг от друга абсолютно строгими границами и все грани в природе и обществе условны и подвижны, мышление все же должно провести определенные границы, без чего невозможно истинное познание.

Прежде всего необходимо отделить (хотя это нередко очень трудно) каждое конкретное явление от «его» предшествующего, а затем внутри данного явления выделить его естественные этапы, установить их характерные, специфические черты и связь между ними. При этом надо подмечать главным образом то, что характерно для данной ступени развития явления, а не только то, что применимо ко всем его ступеням, поскольку именно в специфическом различии этих ступеней и заключается развитие. Вот почему вели-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 46.

чайшую заслугу К. Маркса В. И. Ленин видит в том, что он не сочинял, не фантазировал «новое» общество, а «изучает, как естественно исторический процесс, *рождение* нового общества из старого, переходные формы от второго к первому»¹. Последовательно применяя к исследованию общества материалистическую диалектику и рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма, «вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма»². Эти ступени (фазы, этапы) таковы: 1) переход от капитализма к социализму; 2) социализм; 3) собственно коммунизм.

Творчески развивая взгляды основоположников марксизма по этому вопросу, В. И. Ленин в первые годы Советской власти главное внимание уделяет, естественно, исследованию переходного периода от капитализма к социализму.

В. И. Ленин подчеркивает, что история не дала нам, нашей стране сразу цельного социализма, так как Россия была отсталой в экономическом отношении страной. Но история дала нам такую важнейшую, решающую «половинку» социализма, такой основной и главнейший его элемент, как диктатура пролетариата, без которой совершенно невозможно построить «вторую половинку» и создать цельный социализм. И поскольку «*в материальном, экономическом, производственном смысле, — писал В. И. Ленин в 1918 г., — мы еще в «преддверии» социализма не находимся*»³, то поэтому рабочий класс использует свою власть в качестве орудия для создания прежде всего материально-технической базы социализма — этой другой важнейшей его «половинки», так как «иначе, как через это, не достигнутое еще нами «преддверие», в дверь социализма не войдешь»⁴. Пролетариат пользуется государственной властью для проведения коренных преобразований не только в экономической области, но также в политической и культурной жизни, для «введения» социализма во всех сферах общества, для построения «цельного» социалистического организма.

Чтобы решить все эти задачи, и нужен переходный период, или этап становления социализма, — этот особый и необходимый этап развития социалистического общества, в течение которого и создается, строится социализм как законченная целостная система.

Переход от капитализма к социализму не снимает, конечно, резкой противоположности между ними как качественно различными ступенями истории и не «отменяет» установления политиче-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 48.

² Там же. С. 98.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 303.

⁴ Там же.

ской власти рабочего класса как начала этого перехода. Поэтому В. И. Ленин вел непримиримую войну с такими ревизионистами, как Каутский и Вандервельде, которые заявляли, что между капиталистическим и социалистическим государствами «есть много переходных ступеней» (современные ревизионисты буквально повторяют своих предшественников). В. И. Ленин рассматривает эти взгляды как мещанское «филистерское пожелание *«переходными ступенями»* заменить революцию»¹ и подчеркивает, что в действительности есть один переход, одна «переходная ступень» от капиталистического государства к социалистическому — это «именно революция, состоящая в *свержении буржуазии* и в *ломке, в разбитии ее государственной машины*»², в установлении диктатуры пролетариата.

Но именно эту «переходную ступень» ревизионисты отказываются признавать и рассуждениями о «переходных формах» и «промежуточных ступенях» хотят протащить свое отречение от пролетарской революции как начала коммунистической формации.

«О том, что диктатура буржуазии должна смениться диктатурой *одного* класса, пролетариата, — указывает В. И. Ленин, — что за «переходными ступенями» *революции* последуют «переходные ступени» постепенного отмирания пролетарского государства, это Каутские и Вандервельды затушевывают.

В этом и состоит их политическое ренегатство.

В этом и состоит, теоретически, философски, подмена диалектики эклектицизмом и софистикой. Диалектика конкретна и революционна, «переход» от диктатуры одного класса к диктатуре другого класса она отличается от «перехода» демократического пролетарского государства к не-государству («отмирание государства»). Эклектика и софистика Каутских и Вандервельдов, в угоду буржуазии, смазывают все конкретное и точное в классовой борьбе, подставляя общее понятие «перехода», куда можно запрятать (и куда *девять десятых* официальных *социал-демократов* нашей эпохи *прячет*) отречение от революции!»³

Следовательно, с точки зрения Ленина, мало признавать переход вообще, — переход переходу рознь, — а нужно исследовать конкретное содержание каждого данного перехода, выяснять его специфику, определять его ступени и формы.

Конкретно-исторический подход к предмету требует не только изучения всех его ступеней, всех звеньев в цепи развития, но и умения выделить самое главное, самое существенное звено в этой цепи. Подчеркивая исключительную важность этого требования, особенно для познания такого великого перелома всемирной исто-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 336.

² Там же.

³ Там же. С. 336—337.

рии, как социалистическая революция, В. И. Ленин писал: «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену»¹, обеспечивая тем самым последовательное и успешное решение задач социалистической революции.

Правильное определение этапов, звеньев, фаз общественного развития имеет не только большое теоретическое, но и важное непосредственно практическое значение, ибо «лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса»². На каждой ступени общественного развития, в каждый данный момент тактика пролетариата должна учитывать объективно неизбежную диалектику человеческой истории. Если выделить самое главное в экономической политике партии на нынешнем этапе нашего развития, то это крутой поворот к повышению эффективности народного хозяйства на основе ускорения научно-технического прогресса. Это сегодня «особое звено в цепи» развития нашей экономики. Вот почему КПСС разрабатывает и осуществляет крупные меры по техническому перевооружению производства, совершенствованию его организации и управления, планирования и экономического стимулирования, повышению квалификации и ответственности хозяйственных кадров.

Требование рассмотрения предмета в его развитии включает в себя не только изучение генезиса этого предмета, ступеней, уровней его эволюции и его настоящего состояния, но и выяснение главного направления, основной тенденции его дальнейшего развития. Так, говоря о философии махизма (эмпириокритицизма), В. И. Ленин отмечает, что сам «факт роста его (махизма.— А. М.) в том или ином направлении лучше, чем длинные рассуждения, поможет решить *основной* вопрос о настоящей сути этой философии»³.

Иными словами, последовательное проведение принципа историзма неизбежно предполагает предвидение будущего, предпосылки (зачатки, зародыши, элементы) которого содержатся в настоящем. Поскольку предпосылки нового создаются и созревают в недрах старого, то при исследовании исторического развития, особенно процесса перехода к коммунизму, «мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 205.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 77.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 228.

ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. <...> ...Из которых жизнь отберет самые жизнеспособные»¹.

На основании каких же данных, спрашивает в работе «Государство и революция» В. И. Ленин, можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма? И отвечает: на основании того, что мы знаем, как он возникает и развивается из «настоящего». Вот почему, отмечает В. И. Ленин, у Маркса нет и тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется. Поэтому неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Это и все другие положения марксистской теории оказываются неизбежно истинными, благодаря прежде всего именно тому, что они стоят на исторической почве «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»².

Сосредоточивая внимание на актуальных текущих задачах, решая проблемы настоящего, партия никогда не забывала о будущем, о перспективах нашего движения вперед. Уже в первые годы Советской власти В. И. Ленин выступил с призывом к возможно более быстрому составлению «плана реорганизации промышленности и экономического подъема России»³. Социализм немыслим без научного предвидения путей общественного развития, без планирования экономики, науки, культуры и т. д. Необходимым является дальновидное, научно обоснованное планирование хозяйственного и социального развития. «Достигнутый уровень развития, масштабы новых задач, — подчеркивал М. С. Горбачев, — выдвигают потребность в долговременной, глубоко продуманной, целостной, сильной социальной политике, охватывающей все стороны общественной жизни»⁴.

Методологическое и мировоззренческое значение принципа конкретного историзма для научного познания и практики огромно. Особенно важно понимать и последовательно применять этот принцип к решению задач развития теории социалистического переустройства общества. В. И. Ленин подчеркивал, что вся трудность и все искусство политики состоит в том, чтобы учесть свое-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 20.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 75.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228.

⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 45.

образе задач каждого из периодов, своеобразие условий, в которых действует партия. Такой подход имеет огромное значение и при выработке экономической политики, которая должна учитывать главные особенности каждого этапа развития страны. Глубокое значение принципа историзма, сознательное, последовательное его применение при анализе сложных динамических социальных процессов современной эпохи — важнейшее условие для всестороннего понимания подлинной сущности этих процессов, всей внешней и внутренней политики КПСС.

Сознательное игнорирование принципа историзма или его фальсификация является одним из гносеологических корней «теоретических художеств» современных «правых» и «левых» ревизионистов и одним из «логических» оснований для изготовления многочисленных «ультрасовременных» теорий буржуазных социологов по такому, например, коренному вопросу в жизни современного человечества, как вопрос о переходе к социализму.

Опыт истории и практика революционной борьбы неопровержимо доказали истинность вывода основоположников марксизма о том, что переход к социализму возможен только в результате социалистической революции и осуществления диктатуры пролетариата, которые являются подлинным началом социализма, исходным пунктом его действительной истории.

Однако находятся еще «теоретики» (не только буржуазные, но и называющие себя марксистами), которые не только не могут и не хотят понять эту диалектику начала социализма, но, игнорируя принцип конкретного историзма, сознательно искажают ее.

Вопрос о переходном периоде от капитализма к социализму и теоретически и практически давно решен как в нашей стране, так и в других странах социализма, и до такой степени ясен, что, казалось бы, не может быть никаких кривотолков по этому вопросу. Однако кривотолки есть. Да еще какие!

Наиболее откровенным антинаучным, анархистским, в сущности, мнением является отрицание переходного периода, непонимание того, что этот период является неизбежным, закономерным для социалистических преобразований.

Но есть и такие авторы, которые, признавая этот период, в то же время утверждают, что этот период не относится ни к капитализму, ни к социализму, а является как бы «нейтральной зоной» между ними. Вот как они пишут: «Как развивающийся строй социализм проходит два основных этапа. Первый этап — от полной победы социализма до развитого социалистического общества. Второй этап... — развитое социалистическое общество, перерастающее в коммунизм»¹. Или: «Социалистическое общество в своем развитии проходит два качественных этапа.

¹ Ковалев А. М. Некоторые актуальные проблемы теории научного коммунизма. М., 1979. С. 7.

Первый — начинается непосредственно после переходного периода...

Второй — этап функционирования развитого, зрелого социализма»¹.

А вот еще: «Конец переходного периода... и определяет хронологически начало собственно коммунистической формации»² и т. д.

Согласиться с этими высказываниями, конечно, нельзя. Разумеется, все это имеет, как говорится, свои «гносеологические корни». На уровне эмпирически-рассудочного мышления эти авторы знают, что в переходный период имеет место и социализм и капитализм, т. е. с одной стороны, есть социализм, а с другой — капитализм. К тому же они не прочь сослаться и на цитату из «Критики Готской программы» Маркса: «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе». Однако подобные аргументы доказывают, скорее, что их авторы подменяют диалектику софистикой в таком важном принципе, как всесторонность рассмотрения. Как известно, софистика не против этого принципа, но она его понимает по-своему. Суть ее состоит в том, что она явление рассматривает всесторонне, даже более всесторонне, чем диалектика, но не вычленяет и не оттеняет, не подчеркивает его сущности, а напротив, уничтожает ее тем, что растворяет ее во множестве сторон, мелочей и т. д., делая, таким образом, явление непознаваемым. Диалектика же, рассматривая явление всесторонне, вычленяет и оттеняет, подчеркивает его сущность, и — более того — исследует ее модификацию и основную, главную ее тенденцию. Применив диалектический принцип всесторонности рассмотрения к переходному периоду, следует твердо заявить: да, в переходный период есть и социализм и капитализм, а в нашей стране, более того, существовало пять укладов. Однако, учитывая это с «одной стороны», с «другой стороны», с «третьей» и т. д., мы обязаны вычленить сущность. А сущность есть социализм: во-первых, установлена политическая власть рабочего класса (диктатура пролетариата); во-вторых, рабочий класс, опираясь на свою власть, осуществляет социалистические преобразования во всех сферах общественной жизни, т. е. создает общество по образу и подобию своему: в-третьих, основная, главная объективная тенденция этого периода — становление социализма, а не добываемого капитализма; в-четвертых, становление явления есть модификации, развертывание его начала, т. е. переходный период есть не что иное, как становление социализма, модификации, развертывание его начала со дня уста-

¹ Актуальные проблемы научного коммунизма. М., 1982. С. 61.

² Актуальные проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1984. С. 12.

новления власти рабочего класса. Следовательно, переходный период содержится в коммунистической общественно-экономической формации, в ее первой фазе — социализме.

Но и это не все. Есть и такое заблуждение по вопросу о переходном периоде, как его расширительное понимание: этот период представляется более продолжительным, чем он есть на самом деле, в него включают и первую фазу коммунистической формации — социализм. Иными словами, отвергается сама эта первая фаза. Это недоразумение трактуется примерно так: в социалистических странах вопрос «кто кого» — социализм или капитализм — можно постепенно разрешить только в течение длительного исторического периода, ибо К. Маркс и В. И. Ленин считали, что весь период вплоть до вступления в высшую фазу коммунистического общества есть период перехода от капитализма к коммунизму, период диктатуры пролетариата. Эти положения означают, по крайней мере, следующее: вопрос «кто кого» — социализм или капитализм — может разрешиться только при высшей фазе коммунизма, а так как этой фазы ни в одной из социалистических стран еще нет, то нигде, в том числе и в СССР, этот вопрос еще не разрешен. Следовательно, согласно этой точке зрения, наша страна все еще развивается по принципу «кто кого».

У марксистов давно выкристаллизовалось и утвердилось понятие «переходного периода» от капитализма к социализму и никогда не было никакой неясности, никакого сомнения в том, что оно означает период между капитализмом и первой фазой коммунизма — социализмом. Современные ревизионисты сознательно извращают суть этого понятия. И при этом ссылаются на Маркса и Ленина.

Приведем одно из высказываний Маркса, на которое ссылаются ревизионисты: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»¹. Разве здесь Маркс говорит, что «весь период вплоть до вступления в высшую фазу коммунистического общества» есть переходный период от капитализма к коммунизму? Отнюдь нет! Здесь он рассматривает коммунистическое общество как единое, под коммунизмом понимает единство первой (низшей) фазы и второй (высшей). Это неоднократно разъяснял В. И. Ленин. «...Научная разница между социализмом и коммунизмом ясна, — писал он. — То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой», или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 27.

собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм»¹. Совершенно очевидно, что Маркс под переходным периодом от капитализма к коммунизму понимал период между капитализмом и первой фазой коммунизма, т. е. социализмом.

В. И. Ленин не только десятки раз подчеркивал, что переходный период есть период между капитализмом и социализмом, но и развил, обогатил учение об этом периоде. Возьмем хотя бы одну из многочисленных его работ, где развивается это учение, — «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Вот характеристика переходного периода, данная в ней: «Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом»². Основные формы общественного хозяйства переходного периода — это «капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм». Основные силы — «буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»³. Эти высказывания со всей определенностью характеризуют сущность и исторические рамки переходного периода от капитализма к социализму, не оставляя места для кривотолков.

Итак, классики марксизма одно и то же содержание выражали в разных формулировках: «переходный период между капитализмом и социализмом и между капитализмом и коммунизмом». Есть разница между этими двумя формулировками по содержанию? Абсолютно никакой! Ибо, говоря о переходном периоде между капитализмом и коммунизмом, марксисты всегда имели в виду переходный период между капитализмом и первой фазой коммунизма, т. е. социализмом. Теоретикам ревизионизма, конечно, известно, что в современном словоупотреблении под коммунизмом подразумевают высшую его фазу. Поэтому, жонглируя терминами, они могут создать внешнее правдоподобие своего домысла.

Извращения понятия «переходный период» отнюдь не невинное занятие или случайная обмолвка. Этим преследуются далеко идущие определенные цели. Для чего же нужно это трюкачество? Прежде всего для того, чтобы оклеветать Советский Союз, зачеркнуть завоевания социализма в СССР. Ибо, расширяя рамки переходного периода «вплоть до вступления в высшую фазу коммунизма», ревизионисты тем самым отвергают низшую фазу коммунизма вообще и ее победу в СССР в частности. При таком понимании переходного периода первая фаза коммунизма лишается всякого

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 271.

³ Там же. С. 272.

смысла, самостоятельного значения, поскольку является лишь моментом переходного периода. Следовательно, если в СССР еще не достигнута вторая фаза коммунизма, там существует переходный период со всеми своими формами общественного хозяйства и общественными силами.

Извращая суть переходного периода, ревизионисты извращали тем самым суть социализма и коммунизма, механически распространяли на социализм закономерности развития переходного периода, отождествляли законы переходного периода с законами постепенного перерастания социализма в коммунизм. Они доказывали, что в СССР еще не решены задачи переходного периода, в частности вопрос «кто кого», что «классовая борьба продолжается в течение длительного исторического периода», что «отрицание классовой борьбы является ошибочным» и т. д.

Но как быть, если в СССР вопрос «кто кого» в пользу социализма решен еще в середине 30-х гг., если к тому времени были ликвидированы эксплуататорские классы и с тех пор у нас нет враждебных классов, а следовательно, и борьбы между классами? Теоретикам ревизионизма нет дела до объективной действительности. Они объявили классами в нашей стране преступников, тунеядцев и т. д. При этом их не интересует ни ленинское определение классов, ни то, что никогда и нигде уголовные преступники не составляли класса.

Вопрос «кто кого» выражает содержание скачка перехода от капитализма к социализму. Разрешение этого вопроса есть одновременно антагонистический процесс возникновения и утверждения — процесс становления социалистических производственных отношений и ликвидации капиталистических. Этот процесс охватывает весь переходный от капитализма к социализму период.

Понятия «переходный от капитализма к социализму период» и «эпоха диктатуры пролетариата» несут одно и то же содержание. Они соответствуют периоду со времени начала социалистической революции вплоть до победы социализма, или первой фазы коммунизма, а не «вплоть до вступления в высшую фазу коммунизма». Если иметь в виду нашу страну, то этот период ограничен рамками: октябрь 1917 — декабрь 1936 г., т. е. со дня революции до принятия новой конституции, юридически закрепившей победу социализма в нашей стране. Иными словами, у нас к 1936 г. была окончательно ликвидирована капиталистическая форма хозяйства, а мелкое товарное производство было преобразовано на социалистических началах. В результате победила социалистическая собственность на средства производства в двух формах: общественной, государственной и колхозно-кооперативной. С завершением процесса социалистических преобразований завершается и эпоха диктатуры пролетариата, или, что то же самое, завершается переходный от

капитализма к социализму период, и начинается новая эпоха, или новый, принципиально отличный период развития социализма и постепенного его перерастания в коммунизм.

Расширяя рамки эпохи диктатуры пролетариата «вплоть до вступления в высшую фазу коммунизма», догматики не только при-нижают, игнорируют значение великих завоеваний нашего народа, в частности победы социализма, но и механически переносят зако-ны переходного периода, в том числе и принцип «кто кого», на современное состояние развития нашего общества, пытаются дока-зать, что социалистический способ производства представляет со-бой антагонистический процесс: ему присущи те же антагонистиче-ские противоречия, что и капиталистическому, и т. д.

Однако никакая антисоветская пропаганда не в силах отменить объективное бытие социалистического способа производства.

§ 3. Диалектика социализма

Социализм развивается диалектически. Сначала необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на самой диалектике социализма.

XXVII съезд и последующие пленумы ЦК КПСС не только неоднократно подчеркивали диалектику социализма, но и потребо-вали от представителей общественных наук исследовать эту диа-лектику со всех сторон, на высоком научном уровне. Разумеется, для такого исследования чрезвычайно необходимо прежде всего овладеть марксистско-ленинским пониманием самой этой диалек-тики, самих противоречий социализма. Именно здесь мы имеем серьезное отставание теоретической мысли от жизни, к сожалению, и до сих пор.

Наша страна прошла сложный путь героизма и драматизма. Этот драматизм был обусловлен кроме всего прочего и серьезны-ми теоретическими ошибками, догматически, педантски извращав-шими диалектику. Так, долгое время в нашей пропаганде господствовали два сталинских тезиса. Один гласил, что «по мере развития социализма внутри страны классовая борьба будет об-остряться», а другой — «примером полного соответствия производ-ственных отношений характеру производительных сил является социалистический способ производства», и доказывалось, что «пол-ное соответствие означает отсутствие противоречий». Один тезис утверждал существование не только классовой борьбы, но и ее обострение, а другой — не только отсутствие классовой борьбы, но и даже противоречий вообще. Как говорится, правая рука не знает, что делает левая.

Говоря о первом тезисе, нужно обратиться к истории нашей страны. В принятой в 1936 г. «сталинской» Конституции было за-писано, что в стране победил социализм и ликвидированы эксплуа-

таторские классы. Причем ликвидированы «с лихвой», с избытком. Но если нет эксплуататорских, враждебных классов, почему же должна быть классовая борьба, да еще и обостряться.

Во-первых, «ликвидацию» понимали и реализовали как физическое уничтожение — ликвидация кулачества как класса. А ведь у марксистов-ленинцев никогда и нигде не было такого топорного, механистического понимания «ликвидации». Их политикой по отношению к эксплуататорским классам была экспроприация, т. е. насильственное лишение их частной собственности на средства производства, а не физическое уничтожение. Так, в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс разрабатывают программу экспроприации экспроприаторов: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства... <...> Экспроприация земельной собственности»¹ и т. д. Как видим, здесь даже нет и намека на физическое уничтожение эксплуататоров.

То же самое Энгельс утверждает в «Принципах коммунизма»: «Постепенная экспроприация земельных собственников, фабрикантов, владельцев железных дорог и судовладельцев... <...> Одинаковая обязательность труда для всех членов общества...»² Здесь тоже нет призывов к физическому уничтожению.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что мало буржуазию победить, «...это даже меньше, чем четверть дела. Мы должны заставить и сделать так, чтобы их руками работать на нас...»³.

Итак, марксистская научно обоснованная программа ликвидации эксплуататорских классов понималась путем их экспроприации, а не физического уничтожения.

Эта программа и была адекватно реализована всей практикой строительства нашего государства под руководством В. И. Ленина. Партия смело привлекла буржуазию и буржуазную интеллигенцию к строительству нового общества. Достаточно напомнить, что в рядах Красной Армии сражалось более 35 тысяч бывших царских офицеров, а главнокомандующим всеми вооруженными силами Советской республики в 1919—1924 гг. был полковник царской армии С. С. Каменев, который вступил в ВКП(б) лишь в 1930 г.

Во-вторых, ленинское диалектическое отрицание кулачества отвергалось и заменялось внешним, механическим, «зряшным» отрицанием — физической ликвидацией. Вот как В. И. Ленин понимал это. На вопрос, можно ли в сельскохозяйственных коммунах оставлять бывших помещиков, В. И. Ленин ответил: «Это зависит

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 446.

² Там же. С. 332, 333.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 97.

от того, какой помещик. Такого декрета не было, чтобы помещиков не пускать. ...Если есть такие, которых крестьяне знают, как порядочных людей, то их пускать не только можно, но и должно. Мы должны использовать таких специалистов...»¹ Еще более определенно Ленин говорит о кулаках. Мы стоим за полную экспроприацию того, что накоплено капиталистами и помещиками, но не за полную экспроприацию кулака, «потому что он ведет хозяйство на земле и часть накоплена им своим трудом. Вот это различие надо твердо усвоить. ...У кулаков же отнять собственность всю нельзя, такого постановления не было...»² Комментарии, как говорится, излишни.

В-третьих, во время сплошной коллективизации ликвидировали не только кулаков, но и так называемых «подкулачников», т. е. тех честных тружеников, которые доказывали, что тот или иной кулак «хороший хозяин», «опытный, трудолюбивый и т. д. работник». Всем этим, разумеется, был нанесен громадный ущерб сельскому хозяйству.

В-четвертых, И. В. Сталин эту свою жестокую политику применил и к соратникам и ученикам В. И. Ленина, которых уничтожил, если не полностью, то в основном.

Поэтому тезис «по мере развития социализма классовая борьба внутри страны будет обостряться» был не только клеветой на советскую действительность, но и «философским освящением» массовых репрессий, произвола и беззакония, творимых Сталиным.

Второй тезис отрицает саму диалектику социализма. Ближайшее рассмотрение показывает, что явления социалистического общества — не застывшие, безжизненные абстракции, а диалектические процессы, где всегда есть новое и старое, положительное и отрицательное, нарождающееся и отмирающее, передовое и отсталое и т. д., и борьба между этими противоположностями есть их внутренняя противоречивость, глубокий источник развития.

Развитие социалистического способа производства, «взаимоуспление» его сторон достигается не тем, что «передовое борется с передовым», а действительным разрешением действительно возникающих между ними противоречий, причем разрешение противоречий есть результат, проявление абсолютности борьбы противоположностей.

Непрерывно возникающие и разрешающиеся противоречия между содержанием и формой социалистического способа производства являются неантагонистическими и определяются природой социалистических производственных отношений. Последние хотя и наилучшим образом соответствуют характеру и состоянию произ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 19.

² Там же.

водительных сил, тем не менее соответствуют им не абсолютно, так как в них всегда имеются несоответствующие, отжившие или отживающие моменты, которые в процессе борьбы уничтожаются и заменяются новыми, соответствующими. Дальнейшему прогрессу производительных сил мешают не сами социалистические производственные отношения, не их природа, а конкретные экономические моменты, которые на данном этапе развития изжили себя. Сама природа социалистических производственных отношений всегда требует всестороннего, непрерывного роста производительных сил, порождает все новые и новые факторы, стимулы развития, дает возможность обществу обнаруживать, изучать противоречия и ликвидировать их, добиваясь дальнейшего, более совершенного, более развитого соответствия производственных отношений состоянию производительных сил.

Но если внутри способа производства все без исключения реальные, конкретные противоречия разрешаются путем ликвидации отжившей, консервативной стороны противоречия, то какое у нас имеется основание утверждать, что эти противоречия — «двигатели» или «тормоза»? Конечно, есть явления прогрессивные и консервативные. Но нет противоречий только консервативного или только прогрессивного характера. Социальные противоречия всегда есть борьба противоположных сил и тенденций в данном диалектическом единстве.

Изрядную путаницу в этот вопрос внес академик Т. Д. Лысенко, который доказывал, что внутри биологического вида нет противоречий. А философы подняли на щит его «теорию»: если в виде не существует противоречий, то при социализме тем более их нет. Были, конечно, и самоутвержденные ученые, которые не соглашались с этим заблуждением. В частности, Ю. А. Жданов в 1948 г. публично и в печати разоблачал это явное невежество Т. Д. Лысенко (этого «придворного алхимика») и доказывал, что всякое явление, в том числе и биологический вид, есть противоречивый процесс. Тем не менее, тезис об отсутствии противоречий долго был направляющим.

А вот как сейчас П. Н. Федосеев «интерпретирует» диалектику социалистического способа производства. Выступая в ЦК КПСС 8 января 1988 г., он заявил: «Или другая догма. Что у нас при социализме производственные отношения полностью соответствуют развитию производительных сил. Ну, и повторяли эту формулу довольно долго, не очень вдумываясь, что, конечно, на какой-то стадии они соответствуют, и полностью соответствуют, а потом они приходят в противоречие»¹.

Что же можно сказать по поводу этого заявления? Прежде все-

¹ Правда. 1988. 13 янв.

го следует подчеркнуть, что эта догма в нашей литературе давно раскритикована и отвергнута, ее сейчас нет. Верно, было время, когда положение И. В. Сталина «конфликт существует не между содержанием и формой вообще, а между *старой* формой и *новым* содержанием»¹ интерпретировалось так: когда форма не старая, а новая и соответствует своему содержанию (тем более полностью), тогда между ними нет противоречий. Так, журнал «Под знаменем марксизма» в редакционной статье писал: «Полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями, то есть отсутствие противоречий между ними...»². То же самое утверждалось в философских словарях под редакцией М. Розенталя и П. Юдина, в книге «Диалектический материализм» под редакцией Г. Ф. Александрова, в трудах П. Н. Федосеева и т. д. Эта «догма» состояла в следующем: если форма (производственные отношения) соответствует содержанию (производительным силам), тогда между ними нет противоречий.

Но следует напомнить, что еще в 50-х гг. у нас в стране развернулась научная дискуссия по этому вопросу, в ходе которой эта догма была отвергнута, и доказывалось, что между формой и содержанием всегда есть противоречие, независимо от того, есть соответствие или нет. Так, в журнале «Вопросы философии» (1955. № 4) была опубликована моя статья «К вопросу о противоречии между формой и содержанием»³, где всесторонне аргументирован тезис о том, что «противоречие между формой и содержанием предмета существует всегда и независимо от того, есть между ними соответствие или нет его»⁴, что «товарищи, которые прямо или косвенно отрицают наличие противоречий между формой и содержанием, грешат против материалистической диалектики, вносят элементы метафизики»⁵.

Итак, критикуемая догма отвергнута давно. Но зачем же говорить о ней сейчас, к тому же обвиняя обществоведов в том, что у них «не хватило ни духу, ни решимости сделать последовательные выводы». Оказывается, под видом критики этой догмы автор решил возродить ее. Софизм налицо! Иначе как можно понять его тезис о том, что производственные отношения «на какой-то стадии соответствуют, и полностью соответствуют, а потом приходят в противоречие». Не будем придираться к слову «приходят», но спросим, что значит «потом»? А до «потом»? Не значит ли это, что до «по-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 1. С. 318.

² Под знаменем марксизма. 1940. № 8. С. 60.

³ Эта статья переведена в ГДР на немецкий язык: См.: Gesellschafts-Wissenschaftliche Beiträge. 1956. N 3. S. 305—320.

⁴ Минасян А. М. К вопросу о противоречии между формой и содержанием // Вопросы философии. 1955. № 4. С. 180.

⁵ Там же. С. 174.

том» не было противоречий, они «приходят потом»? Налицо попытка возродить мертвую догму. Что же касается апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, на который ссылается автор, то нужно напомнить ему, что этот Пленум как раз требовал от обществоведов (в том числе и от вице-президента АН СССР) разрабатывать диалектику социализма, в особенности диалектику социалистического способа производства, а не уничтожать ее.

Но даже тогда, когда стали признавать, что и социализм развивается через противоречия, диалектически, т. е. стали признавать диалектику социализма, и тогда отрицали противоречия социализма путем извращения самой этой диалектики. Противоречия изображали чем угодно, только не противоречиями: то доказывали, что есть противоречия-«тормоза» и есть противоречия-«двигатели», что противоречия социализма — «сходящихся тенденций», а капитализма — «расходящихся тенденций», то утверждали, что противоречия социализма не являются источником развития или источником развития являются не только противоречия, но и единство и т. д., т. е. на словах признавали диалектику социализма, а на деле зачеркивали ее.

Теперь хотя бы кратко рассмотрим широко распространенный тезис о том, что единство, а не противоречия есть источник развития. Всегда и везде, наряду с источником, внутренним импульсом саморазвития, т. е. наряду с конкретным противоречием, существует и конкретная внутренняя движущая сила развития. При социализме «такими постоянно действующими факторами являются крепнущее социально-политическое и идейное единство и прогрессирующее соответствие».

Но это не оригинально. Так, еще Бернштейн писал: «Я не придерживался воззрения, что борьба противоположностей является движущей силой всякого развития. Совместное действие родственных сил является великим двигателем развития»¹.

Допустим, однако, что здесь имеет место подмена значений слова «единство». Скажем, «единство» как компонент закона единства противоположностей, как внутренняя взаимосвязь противоположных сторон целого опрометчиво заменено другим значением «единства» — сплоченностью, солидарностью. Но в этом случае, во-первых, надо указать на это значение и не перескакивать от одного значения «единства» к другому, ибо для познания закона единства противоположностей очень важно четко и определенно отделить друг от друга эти значения «единства», не допускать их смешения; во-вторых, если имеется в виду сплоченность, монолитность, то здесь берется одна из взаимоположающих противоположностей диалектического единства, которая непременно должна

¹ Бернштейн Э. Очерки теории и истории социализма. Спб., 1902. С. 329.

противостоять другой взаимополагающей противоположности единства. Например, социально-политическое единство (сплоченность, монолитность) нашего народа противостоит своей противоположности (в данном случае безразлично какой, например, пережиткам прошлого в сознании людей). В противном случае почему оно должно иметь место, да еще быть движущей силой? Разве возможна одна сторона без другой, разве возможна движущая сила без противодействия, без тормозящей силы? Разумеется, нет. Поэтому как бы ни толковали, ни рассматривали социально-политическое единство, оно всегда содержит в себе взаимополагающие противоположности.

Поэтому неправомерна постановка вопроса о противоречии и единстве. Подобная постановка приводит к ограничению противоречий, к отрыву противоречия и единства друг от друга, противоречие рассматривается само по себе, а диалектическое единство — само по себе, к тому же очищенное от противоречия.

Из всего этого можно сделать следующий вывод: утверждение однобоких, односторонних противоречий и очищенного от противоречий единства есть фактическое отрицание противоречий, получаемое путем абсолютизации специфики социалистического способа производства.

Основным гносеологическим источником неправильного понимания противоречия является отрыв сторон единства — тождества и различия противоположностей — друг от друга. У единства берется одна сторона и отбрасывается другая. У единства берется либо различие (борьба противоположностей), но отбрасывается их тождество, либо тождество и отбрасывается различие, игнорируется тот факт, что противоположности одновременно тождественны и различны.

Если мы возьмем только тождество и отбросим различие, мы получим одно лишь мертвое, абстрактное тождество. Если же, напротив, мы возьмем только различие и отбросим тождество, мы получим механически расчлененные, изолированные друг от друга, внутренне не взаимосвязанные стороны единого. В этом случае явление отождествляется с противоречием, новое «борется» с новым, прогрессивное с прогрессивным, и противоречие «разрешается» путем взаимоусиления его сторон. И тот и другой подход к явлению суть метафизика.

Таким образом, в обоих случаях извращается познание. Истина состоит в том, что противоречие есть отношение между тождеством и различием противоположностей единства.

Как известно, метафизика всегда характеризуется односторонностью. Она либо тождество понимает без различия, как тождество абстрактное, очищенное от различия, либо различие понимает без тождества, также очищенное от тождества, т. е. такое разли-

чие, которое и есть «отношение между сторонами, имеющими противоположные тенденции», но которое не включает в себе тождества. Но есть и такая разновидность метафизики, которая признает и тождество и различие, но видит их рядом друг с другом, не видит их взаимопроникновения, не видит того, что тождество конкретно, включает в себе различие, а различие — тождество. Поэтому положение «отношение между сторонами, имеющими противоположные тенденции», нас еще не освобождает от односторонности. Это во-первых.

Во-вторых, отношение между тождеством и различием противоположностей тоже есть «отношение между сторонами, имеющими противоположные тенденции», и этими тенденциями одновременно являются взаимопроникновение противоположностей (тождество) и их взаимоисключение (различие). Только в этом случае противоположности находятся в состоянии «борьбы». Иное толкование противоречия вопрос о том, почему противоположности должны «бороться», что их заставляет «бороться», оставляет открытым. Неизвестно, например, почему пролетариат и буржуазия должны бороться, если буржуазный строй возможен без той или другой стороны. Ясно, что бороться они могут при одном условии: если они друг без друга в рамках их единства невозможны. Если каждая из этих противоположностей включает в себе содержание своей другой в «снятом» виде, обуславливает им свое объективное бытие, если они взаимно проникают, т. е. тождественны, но в то же время взаимоисключают друг друга, т. е. различны, то противоречие есть отношение того, что противоположности единства одновременно взаимопроникают, тождественны, друг без друга невозможны и взаимоисключают друг друга, различны.

В-третьих, главное в законе единства противоположностей не в том, что есть «борьба», а в том, что борьба эта обуславливает взаимопревращаемость противоположностей, в том, что противоположности меняются местами и ролями, т. е. становятся тождественными, «превращаясь друг в друга». Так, например, главное не в том, что пролетариат ведет свою классовую борьбу против буржуазии (это может признать любой, даже буржуа), а в том, что пролетариат посредством этой борьбы под руководством марксистской партии должен завоевать свою политическую власть, установить свою диктатуру. А это означает взаимопревращение (тождество) противоположностей: если в буржуазном обществе буржуазия господствует над пролетариатом, то в эпоху диктатуры пролетариата последний господствует над буржуазией. Буржуазия и пролетариат меняются местами. И там, где еще этого нет, это будет неизбежно, ибо борьба носит абсолютный характер.

На нераздельность тождества и различия неоднократно указывали классики марксизма. Приведем одно из многочисленных

высказываний Ф. Энгельса. В письме к Шмидту он писал: «Например, яркий образец нераздельности тождества и различия Вы как жених найдете в себе самом и в Вашей невесте. Совершенно невозможно установить, является ли половая любовь радостью оттого, что тождество в различии или различие в тождестве? Откиньте здесь различие (в данном случае полов) или тождество (принадлежности обоих к человеческому роду), и что же у Вас останется? Я припоминаю, как меня вначале мучила как раз эта нераздельность тождества и различия, хотя мы не можем и шагу ступить, чтобы не наткнуться на это»¹.

Между тем все еще есть авторы, которые игнорируют категорию тождества, продолжают определять противоречие как «борьбу противоположностей», без категории «тождество» и даже без категории «единство». Да ведь такую «борьбу» не отрицает и метафизика! Разве метафизики, механистически мыслящие философы когда-либо отрицали такую борьбу, разве теория равновесия механистов (Богданов) не есть борьба противоположных сил?

Итак, из сказанного о диалектическом тождестве можно сделать следующие выводы. Во-первых, тождество есть взаимопроникновение и взаимоисключение противоположностей; которые в данном единстве невозможны, немыслимы друг без друга. Во-вторых, противоположности внутри данного единства взаимопревращаются, каждая из них свою самость переносит на свою другую противоположность. Так, в рамках буржуазного общества пролетариат и буржуазия превращаются друг в друга в том смысле, что пролетариат производит прибавочную стоимость, а буржуазия ее присваивает. В-третьих, вследствие этого происходит внешнее взаимопроникновение, когда в ходе пролетарской революции пролетариат превращается в господствующий класс, а буржуазия — в подчиненный. Это — общая структура любого противоречия, но в каждом отдельном случае имеется свое особое, специфическое содержание.

Преимущества диалектики социализма перед диалектикой капитализма состоят, по крайней мере, в следующем:

1. При социализме противоречия носят неантагонистический характер в отличие от противоречий капиталистической формации.

2. Неантагонистические противоречия социализма не есть резкое, грубое, «физическое» столкновение людей, классов, в то время как антагонистические противоречия капитализма есть острое, грубое, физическое столкновение враждующих классов, которое неизбежно выражается в таких формах, как классовые битвы, вооруженные восстания, войны и т. д.

3. В обнаружении и ликвидации противоречий при социализме

заинтересованы все социальные группы, слои населения, поэтому общество в целом выявляет противоречия и сознательно, планомерно разрешает их, поскольку разрешение противоречий при социализме совпадает с процессом подъема благосостояния всего общества, с развитием социализма. При капитализме же не все классы заинтересованы в разрешении противоречий, поскольку такое разрешение привело бы к гибели самого капиталистического строя. Поэтому от буржуазии исходит действие, направленное на сохранение противоречий, а от пролетариата — действие, направленное на разрешение противоречий.

4. Кроме того, при социализме сама объективная природа его дает возможность разрешения противоречий своевременно, не доводя их до конфликта, в то время как в капиталистическом обществе возможность своевременного разрешения противоречий исключена, ибо за их сохранение борется господствующий класс, что, разумеется, тормозит развитие общества.

Наше продвижение вперед происходит диалектически, т. е. в порядке непрерывного процесса раскрытия и ликвидации столь же непрерывно возникающих противоречий. С обнаружением и ликвидацией тех или иных противоречий возникают новые. Ликвидация одних противоречий порождает другие, подготавливает условия возникновения третьих и так непрерывно. Весь этот процесс возникновения и развития противоречий совпадает с развитием социализма, точнее, это есть процесс перерастания социализма в коммунизм.

Из краткого рассмотрения природы и роли противоречий при социализме вытекают следующие выводы:

1. Единство раздваивается на тождество и различие противоположностей. Ни то ни другое не бывает абсолютным.

2. Противоречие есть отношение тождества и различия противоположностей в любом явлении. В социальном противоречии одна из противоположностей представляет прогрессивную сторону, другая — регрессивную.

3. Развитие явлений социализма есть преодоление их противоречий, что означает их качественное изменение.

4. Борьба противоположностей абсолютна, а единство их относительно и в явлениях социализма. В противном случае не было бы никакого развития, никакого взаимопревращения противоположностей.

5. Источником развития предмета является противоречие, которое есть процесс: на первом этапе тождество противоположностей преобладает над их различием, что обеспечивает интенсивный рост единства, а следовательно, рост, развитие противоположностей, т. е. их различия; на втором этапе преобладает различие над тождеством, что означает обострение противоречия и возникновение необходимости его разрешения; третий этап характеризуется практи-

ческим разрешением противоречия преобразованием единства, его превращением в свое другое, новое единство. При этом движущей силой является как тождество, так и различие, т. е. само противоречие в целом, взаимодействие тождества и различия, а не «или — или». Так, на первом этапе развития капитализма, когда тождество противоположностей преобладало над их различием, движущей силой его было противоречие, поскольку оно являлось источником развития капитализма, развития его противоположностей, его различия. Но на втором этапе, когда различие стало преобладать, движущей силой выступает то же противоречие, поскольку благодаря ему возможен переход к социализму, поскольку развитое, зрелое различие, выражением которого является сознательно организованная развитая классовая борьба пролетариата, обуславливает переход к социализму. Так, смена тождества и различия местами выражает собою движение, развитие самого противоречия, которое — от начала до конца — является источником, движущей силой развития явления. При этом необходимо подчеркнуть, что источником развития является не та или другая сторона противоречия, не тождество или различие сами по себе, а их отношение в целом, противоречие в целом.

6. Цель познания состоит в том, чтобы познать явление таким, каково оно есть в самой действительности. Познание, которое выхватывает то одну сторону явления, то другую, к тому же отрывая их друг от друга и абсолютизируя их, не может претендовать на истинность своих выводов.

7. Специфика диалектики социалистического способа производства не есть уничтожение этой диалектики. Специфика единичного, как бы ни было важно ее значение, не должна заслонять общее, общие законы развития.

Объективной природой диалектики социализма обусловлен тот непреложный факт, что глубокие изменения в его экономической и духовной жизни не влекут за собой насильственную ликвидацию этого общества, а означают его постепенное перерастание в коммунистическое. Если при социализме нет таких противоречий, которых нельзя было бы разрешить, нет таких социальных сил, которые отстаивали бы отжившие формы, то у общества не возникает никакой объективной необходимости в ликвидации этих отношений или в появлении какой-то новой, особой общественной формации. Практика строительства социализма и коммунизма показывает, что если переход от капитализма к социализму осуществляется в условиях классовой борьбы, требует коренной ломки общественных отношений, глубокой социальной революции и диктатуры пролетариата, то в отличие от этого переход к коммунизму происходит при отсутствии эксплуататорских классов, в условиях, когда все члены общества кровно заинтересованы в победе коммунизма, следова-

тельно, без социальных потрясений, без социальной революции.

Капиталистический строй является последней антагонистической формацией, которой завершается предыстория человеческого общества. Подлинная же история человечества начинается с момента возникновения и утверждения коммунистической формации, где люди сами сознательно творят свою историю, направляя законы общественных действий и получая от действия этих законов желаемые результаты.

Что же необходимо для перерастания низшей фазы в высшую, социализма в коммунизм?

Поскольку коммунизм есть высшая фаза всестороннего развития коммунистической общественной формации, необходимо дальнейшее бурное развитие всех сторон экономической и духовной жизни социалистического общества — именно всех сторон, а не той или иной его стороны. «Односторонний», «однобокий», «тощий» социализм, а тем более коммунизм, покоящийся на кустарной выплавке стали и примитивной технике, ничего общего не имеет с научным коммунизмом.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, разрабатывая научную теорию коммунизма, неоднократно указывали на то, что коммунизм есть высшее, богатое, всесторонне развитое общество, основанное на высоком уровне производительных сил. Маркс говорил о коммунизме как о всестороннем развитии общественной и личной жизни людей: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда... общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»¹.

Говоря о развитии социализма, мы исходим из диалектической концепции развития, из того, что развитие есть единство количественных и качественных изменений, а не из метафизической концепции, которая развитие сводит либо к количественным, либо к качественным изменениям. Метафизический способ мышления всегда характеризуется односторонностью. Понимая развитие как количественные изменения, метафизики не допускают скачков, «перерыва постепенности», и, наоборот, понимая развитие как сплошные скачки, они не допускают количественных изменений, рассматри-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 20.

вают скачки без их количественного приготовления. Обе крайности этого способа рассмотрения искажают познание.

Поэтому исключительно важное значение для практики коммунистического строительства имеет правильное понимание и приращение к нему диалектики. Выше мы показали, как абсолютизация специфики социалистического способа производства привела к практическому отрицанию его противоречий. Видимо, та же самая причина привела некоторых авторов к искаженному толкованию диалектической концепции развития, к софистической подмене ее двумя разновидностями метафизической концепции развития.

Одни авторы считают, что переход от социализма к коммунизму, как диалектический скачок-перерастание, не является прерывом постепенности количественного роста старого. Скачок от социализма к коммунизму характеризуется в своей сущности непрерывной постепенностью. Другие авторы этот переход понимают как сплошную цепь скачков.

По поводу первой крайности ограничимся одним общим замечанием: если скачок не является прерывом постепенности, то он вовсе не скачок, значит его просто нет, ибо всякий скачок есть прерыв постепенности. Признавать скачок и считать, что он не есть прерыв постепенности, — одна из форм отрицания объективного бытия скачков в развитии. Но поскольку в марксистской литературе эта крайность подвергалась основательной всесторонней критике на протяжении более ста лет, то нет необходимости на ней задерживаться.

Собственно говоря, и вторая крайность отрицает скачок, поскольку переход от социализма к коммунизму, т. е. этот «гигантский скачок», складывается из суммы частных скачков, которые в свою очередь состоят из скачков элементарных. Иными словами, мы здесь имеем дело с одними скачками, т. е. качественными изменениями.

А где же количественные изменения? О них не говорят. Нет, не вообще. Вообще останавливаются на количественных изменениях, на том, что новое качество возникает в результате количественных изменений и т. д. Но все это относится к капитализму.

Как только приступают к рассуждению о «постепенном переходе» от социализма к коммунизму, забывают о количественных изменениях. Широко распространены такие перлы: два рода постепенности, промежуточные ступени между старым и новым качеством, принципы закона и постепенность качественных изменений, исчезает ли скачок при постепенном образовании нового качества, структура скачка в процессах постепенного образования нового качества, механизм образования нового качества и т. д. Авторы, хотят того или нет, пытаются доказать, что специфика социализма исключает функционирование действия закона количества и качества, что при

социализме количество вовсе не количество, качество вовсе не качество и скачок вовсе не скачок. Причем, говоря о двух родах постепенности, умалчивают о том, какое же вообще содержание вкладывают в понятие «постепенность», чем эти два рода постепенности отличаются друг от друга и т. д. Или что такое постепенность качественных изменений? Из тавтологии «постепенность есть постепенность» мы никогда этого не узнаем. Таким образом, вопрос об отличии двух видов постепенности остается открытым. Также неясно, что значит «постепенное накопление элементов нового качества», какое содержание выражает эта «постепенность». Если под этим понимать изменение путем накопления элементов нового качества «по частям», то таким накоплением элементов является и постепенность количественных изменений. Следовательно, если исходить не из внешней формы выражения, а из внутреннего содержания, то принципиально никакого отличия между этими двумя вышеизложенными родами постепенности нет, ибо всякое новое качество (независимо чего, безразлично где, когда проявившееся и т. д.) возникает в результате медленных, постепенных количественных изменений. Как видим, эти одни и те же изменения, в одном и том же отношении облекают в двоякую форму выражения постепенности: количественную и качественную.

Дальнейшее развитие и конкретизацию тезис о двух формах постепенности получает в делении скачков на две категории: на скачки путем «взрыва» и скачки «без взрыва», т. е. «путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества». Но что все это значит? По какому критерию делить скачки на «взрывные» и «невзрывные»? Неужели по звуковым свойствам скачков? Что следует понимать, например, под словом «взрыв»?

Разумеется, какой-либо скачок можно выразить в образной форме, повторяем, в образной форме, в том числе и в форме взрыва. Но деление категории скачка на «взрывные» и «без взрыва», «шумные» и «бесшумные» в научном отношении несостоятельно. И далее, что значит «постепенное накопление элементов нового качества»? Является ли это новым видом скачка? Отнюдь нет. Постепенное накопление элементов нового качества есть не что иное, как постепенное накопление количественных изменений, необходимых для скачка, и не более.

Любой скачок есть диалектический процесс смены одного качества другим, характеризующийся по крайней мере следующими чертами: перерывом постепенности, более интенсивным изменением, чем предшествовавшие количественные изменения, разрешением противоречий между количеством и качеством и возникновением нового противоречия, единством бытия и небытия.

Прерыв непрерывности является важнейшей чертой скачка, ибо без него не может возникнуть новое качество. Последнее не мо-

жет возникнуть как без непрерывных количественных изменений, подготовляющих скачок, так и без перерыва этой непрерывности. Причем, когда мы говорим о прерыве постепенных количественных изменений, мы имеем в виду не прерыв вообще всяких количественных изменений: такого не бывает никогда, так как явление всегда есть процесс, всегда взаимосвязано с другими явлениями, следовательно, оно никогда не пребывает без изменений. Более того, скачок — более интенсивное количественное и качественное изменение. Под прерывом постепенности количественных изменений мы понимаем прерыв тех количественных изменений, которые возникли в пределах данной меры и которые необходимы для нарушения данной меры, данного качества, поскольку данное качество рано или поздно, но неизбежно сменяется другим не в результате количественных изменений вообще, а в результате необходимых, определенных для этого количественных изменений, т. е. прерывается та количественная постепенность, которая достигла необходимой грани, уровня, на котором нарушается мера, коренным образом изменяется качество, и для ликвидации старого качества и возникновения нового качества больше не нужно продолжение данных количественных изменений.

С другой стороны, специфика скачка не уничтожает его сущности, не уничтожает тех характерных черт, о которых упоминалось выше. Рассмотренные черты скачка характерны и для скачков в период перехода от социализма к коммунизму. Ни специфика этого периода, ни специфика социализма или коммунизма не исключают ни одной из этих черт скачка, равно как и не исключают скачков вообще. Следовательно, нет никаких постепенных скачков. Термин «постепенность» применим только к количественным изменениям, скачок же есть перерыв этой постепенности.

Однако возникает вопрос: раз это так, то как же тогда понимать постепенность перехода от социализма к коммунизму? А ведь этот переход действительно является постепенным. В нашей литературе совершенно справедливо пишут, что под постепенностью в данном случае нельзя понимать замедление темпов развития, ибо объективно этот переход характеризуется высокими темпами развития. Тогда какое же содержание вложить в эту «постепенность»?

По нашему глубокому убеждению, постепенный переход от социализма к коммунизму означает переход без социальной, политической революции, без катаклизмов, без превращения противоречий в антагонизм, в конфликт, в социальные, политические потрясения. Маркс в «Нищете философии» писал: «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими ре-*

*волюциями»*¹. Иными словами, постепенность означает отсутствие антагонистических противоречий при социализме.

Итак, мы рассмотрели некоторые из тех заблуждений, извращений, ошибок, которые имеют место по всем трем частям марксизма. При этом мы вполне сознательно касались заблуждений по вопросам общеизвестным, доступным рядовому читателю, сознательно не касаясь заблуждений по более сложным теоретическим проблемам. Поэтому для того, чтобы понять содержание этой работы, не обязательно быть глубоким специалистом в философии, политической экономии или научном коммунизме. Вместе с тем в данной работе мы не претендуем ни на какие открытия. Наша задача заключается только в одном: восстановить отход от марксизма-ленинизма и указать пути ликвидации существующей его эрозии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 185.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Не все у автора данной книги, на наш взгляд, бесспорно, однако он затрагивает очень важные проблемы современного общества, побуждает к размышлениям, демонстрирует нетрадиционный подход ко многим проблемам.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая. Диалектический материализм</i>	6
§ 1. Диалектический материализм есть Логика	6
§ 2. Пути эрозии диалектического материализма	18
<i>Глава вторая. Политическая экономия</i>	28
§ 1. Предмет — производственные отношения	28
§ 2. Тожество противоположностей	33
§ 3. Восхождение от абстрактного к конкретному	45
§ 4. Нет такого экономического закона	53
<i>Глава третья. Научный коммунизм</i>	58
§ 1. Принцип совпадения исторического и логического	58
§ 2. Аспекты возникновения	70
§ 3. Диалектика социализма	92
От издательства	108

Артавазд
Михайлович
Минасян

**ДО
КАКИХ
ПОР?**

(Логика
«Капитала» Маркса
и современное
обществознание)

Редактор *А. П. Никаноров*
Технический редактор *Д. В. Сваицкая*
Корректоры *Л. Н. Черкасова, З. М. Маннаникова*
Обложка *Н. Н. Демидова*

ИБ № 1357

Изд. № 31/1930. Подписано к печати 09.06.88. ПК 04067.
Формат 60х84/16. Бумага тип. № 2. Печать высокая.
Физ. п. л. 7,0. Усл. п. л. 6,51. Уч.-изд. л. 7,2. Ти-
раж 2000 экз. Заказ 97. Цена 1 р. 44 к.
Издательство Ростовского университета. 344006, г. Ро-
стов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Типография им. М. И. Калинина Ростовского областно-
го управления по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 344081, г. Ростов-на-Дону, 81, ул. Со-
ветская, 57.

Издательство
Ростовского университета
выпускает в 1988 году книгу
«Научный коммунизм: Опыт разработки и чтения лек-
ций». Отв. ред. Ю. Г. Волков. Объем 20 п. л., ти-
раж 30000 экз., ориентировочная цена 1 р. 20 коп.

Книга содержит цикл лекций, предложенный новой учебной программой по научному коммунизму, а также лекции по тематическому плану курса, рассчитанные на углубленное изучение узловых проблем. В процессе совместной работы над книгой авторами выработан общий подход, в основе которого — концепция человеческой личности.

Предлагаемая работа не учебник и не учебное пособие, это вынесенный на суд читателей опыт чтения лекций сегодняшней аудитории. В них отражен новаторский дух перестройки преподавания общественных наук.

Книга предназначена для преподавателей общественных наук, аспирантов, студентов и может быть использована пропагандистами.

Издательство
Ростовского университета
выпускает в 1989 г. книгу

«Развитие общественных отношений социализма как целостности: проблемы методологии» под редакцией Е. Я. Режабека. Объем 15 п. л., тираж 1000 экз., ориентировочная цена 2 р.

В коллективной монографии, подготовленной отделением общественных наук СКНЦ ВШ, выявляются методологические аспекты концепции развития общественных отношений социализма как целостности, в ней широкое отражение находят материалы XXVII съезда КПСС, касающиеся проблем нарастания организованности и целостности социально-экономического развития, на уровне социально-философского, категориального анализа рассматриваются генезис формообразований и исторически различающиеся этапы развития системы общественных отношений в целостность.

Монография рассчитана на специалистов-философов, научных работников, занимающихся теоретическими проблемами социального развития, на преподавателей, аспирантов и студентов философских факультетов, а также на всех, кто самостоятельно изучает философию и интересуется проблемами и перспективами общественно-исторического процесса.

Коллективные заявки составляются на бланке учреждения за подписью главного бухгалтера и распорядителя кредитов, заверяются круглой печатью по образцу:

«Просим выслать наложенным платежом (для г. Ростова-на-Дону отпустить по безналичному расчету) экз. книги, выпускаемой Издательством Ростовского университета
по адресу: _____

Оплату гарантируем.
М. П.

Распорядитель кредитов
Главный бухгалтер

Заказы направляйте по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160. Издательство Ростовского университета.

1 р. 44 к.

ДО КАКИХ ПОР?

